

ГОСУДАРСТВЕННОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ ОБРАЗОВАНИЯ
«УНИВЕРСИТЕТ ГРАЖДАНСКОЙ ЗАЩИТЫ
МИНИСТЕРСТВА ПО ЧРЕЗВЫЧАЙНЫМ СИТУАЦИЯМ
РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ»

**Исследование структурных
и семантических особенностей дискурса
чрезвычайных ситуаций,
а также средств их репрезентации
в устной и письменной коммуникации**

Материалы межвузовского научно-методического семинара

29 февраля 2024 года

Минск
УГЗ
2024

УДК 304.44:[81:37.091.3]

ББК 81:68.9

И88

И88

Исследование структурных и семантических особенностей дискурса чрезвычайных ситуаций, а также средств их репрезентации в устной и письменной коммуникации : сборник материалов межвузовского научно-методического семинара [Электронный ресурс]. – Минск: УГЗ, 2024. – Системные требования: PC, Windows 2000/XP и выше, Internet Explorer, видеокарта 2Mb.

ISBN 978-985-590-223-3

В сборник включены материалы межвузовского заочного научно-методического семинара «Исследование структурных и семантических особенностей, а также средств их репрезентации в дискурсе чрезвычайных ситуаций», проведенного Университетом гражданской защиты МЧС Беларуси совместно с кафедрами лингвистических дисциплин, перевода и межкультурной коммуникации учреждений образования Республики Беларусь 29 февраля 2024 года.

Статьи, включенные в сборник, раскрывают современные подходы к определению, теоретическому осмыслению и практическому анализу такого многомерного понятия как дискурс в целом и дискурс чрезвычайных ситуаций в частности. Материалы семинара будут полезны преподавателям лингвистических дисциплин, магистрантам, аспирантам-филологам, а также всем, кто интересуется теоретическими и практическими вопросами коммуникации.

УДК 304.44:[81:37.091.3]

ББК 81:68.9

ISBN 978-985-590-223-3

© Государственное учреждение образования «Университет гражданской защиты Министерства по чрезвычайным ситуациям Республики Беларусь», 2024

Оглавление

Белоглядова Г. М.....	5
ВОЕННЫЙ ДИСКУРС КАК ОСОБЫЙ ТИП ДИСКУРСА.....	5
Беляева Т. В., Левданская Н. М., Никитина Л. Н.....	8
СОВРЕМЕННЫЕ ТЕНДЕНЦИИ В ДИСКУРС-АНАЛИЗЕ	8
Дементьева Т. Г.	12
ВЛИЯНИЕ РЕЧЕВЫХ ФОРМУЛ ЭТИКЕТА НА СТАТУС ДИСКУРСА.....	12
Yahorava N. A.....	16
EXTREME SITUATION DISCOURSE UNDERPINNINGS	16
Ковалева Т. Г.....	19
О НЕКОТОРЫХ ПОДХОДАХ К ИЗУЧЕНИЮ ДИСКУРСА ПОЖАРНО-СПАСАТЕЛЬНОЙ СФЕРЫ	20
Коновалова Ю. А.....	23
ПАРАМЕТРЫ И КРИТЕРИИ ДИСКУРС-АНАЛИЗА.....	23
Коньшева А. В.....	28
ПЕРЕВОДЧЕСКИЙ ДИСКУРС В СИСТЕМЕ МЕЖКУЛЬТУРНОЙ КОММУНИКАЦИИ.....	28
Коршикова Ю. А.....	31
СОВРЕМЕННЫЕ ПОДХОДЫ К ИЗУЧЕНИЮ ДИСКУРСА.....	31
Луц Л. Н., Косякова А.....	34
СМАРТФОН КАК ОДИН ИЗ КАНАЛОВ ТРАНСЛЯЦИИ МЕДИА ДИСКУРСА	34
Никишова А. В., Кривоносова Е. В.	37
К ВОПРОСУ ИНТЕРПРЕТАЦИИ ТЕРМИНОВ «ДИСКУРС».....	37
И «МЕДИАДИСКУРС».....	37
Панова Т. А.	41
ЧРЕЗВЫЧАЙНЫЕ СИТУАЦИИ ЭКОЛОГИЧЕСКОГО ХАРАКТЕРА С ЛИНГВИСТИЧЕСКОЙ ТОЧКИ ЗРЕНИЯ.....	41
Ромашевич Т. М.....	44
ДИСКУРС ЧРЕЗВЫЧАЙНЫХ СИТУАЦИЙ В АСПЕКТЕ КОММУНИКАЦИИ	44
Селицкая Е. Ю.	47

ДИСКУРС ЧРЕЗВЫЧАЙНЫХ СИТУАЦИЙ КАК ОДИН ИЗ ТИПОВ ДИСКУРСА.....	47
Сидорейко И. В.	51
ПРОФЕССИОНАЛЬНЫЕ КОДЫ В ДИСКУРСЕ.....	51
ЧРЕЗВЫЧАЙНЫХ СИТУАЦИЙ	51
Федотова Е. В.....	56
ЛЕКСИЧЕСКИЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ ДИСКУРСА ЧРЕЗВЫЧАЙНЫХ СИТУАЦИЙ.....	56
Шляховая А. А.	61
ТЕМАТИЧЕСКИЕ (КОНЦЕПТУАЛЬНЫЕ) ПОЛЯ ДИСКУРСА ЧРЕЗВЫЧАЙНЫХ СИТУАЦИЙ	61

Белоглядова Г. М.

Военная академия Республики Беларусь (Минск)

ВОЕННЫЙ ДИСКУРС КАК ОСОБЫЙ ТИП ДИСКУРСА

В настоящее время армия становится одним из важнейших социальных институтов во многих государствах мира. Военный дискурс является институциональным дискурсом, в котором прослеживаются исторические изменения. Возникает необходимость всестороннего изучения военного дискурса с определением его характерных структурных особенностей.

Анализ трудов, посвященных дискурсу, позволяет сделать вывод, что в современной лингвистике понятие «дискурс» трактуется по-разному, разнообразны и применимы к нему научные подходы, среди которых выделяют лингвокогнитивный, прагматический, и лингвокультурологический. Отметим, что многозначность термина «дискурс» и его использование в различных областях обуславливают разнообразие объяснений значения и сущности данного понятия. Так, Н.Д. Арутюнова определяет дискурс как «связный текст в совокупности с экстралингвистическими, прагматическими, социокультурными, психологическими и другими факторами, текст, взятый в понятийном аспекте; речь, рассматриваемая как целенаправленное социальное действие, как компонент, участвующий во взаимодействии людей и механизмах их сознания» (1, с. 136). Согласно В.Г. Борботько, «дискурс» есть текст, но такой, который состоит из коммуникативных единиц языка – предложений и их объединений в более крупные единства, находящиеся в непрерывной смысловой связи, что позволяет воспринимать его как цельное образование [2, с. 8]. Г.А. Орлов рассматривает «дискурс» как категорию (естественной) речи, материализуемой в виде устного или письменного речевого произведения, относительно завершённого в смысловом и структурном отношении, длина которого потенциально вариативна: от синтагматической цепи свыше отдельного высказывания (предложения) до содержательно цельного произведения (рассказа, беседы, описания, инструкции, лекции и т. п.) [3, с. 14]. Французский философ Поль-Мишель Фуко подчеркивал, что «дискурс» — это общение, рассматриваемое как реализация определенной дискурсивной практики – совокупного множества разнообразных сфер человеческого познания. Именно М. Фуко считал, что дискурс – не простая совокупность знаков, а особая социально-историческая информация, фон, который выстраивает речевые события и влияет на текст [4].

Как видим, сложность определения дискурса связана с трудностью разграничения дискурса и текста, а также какие признаки следует признать доминирующими в системе дискурсивности. С одной стороны, дискурс – это связный текст в совокупности с экстралингвистическими факторами, сопровождающими высказывание, а с другой – промежуточное явление между

речью, общением, языковым поведением, с одной стороны, и фиксируемым текстом, остающимся в «сухом остатке» общения – с другой» [5, с. 231].

Обратимся к вопросу военного дискурса. Как утверждает А.В. Уланов, с позиции лингвопрагматики военный дискурс – это «длительная интеракция» милитарно обусловленных коммуникативных актов, построенных на специфических речевых стратегиях, которые учитывают глубинную структуру взаимодействия и последовательность коммуникативных ходов коммуниканта [6, с. 29]. Вместе с тем военный дискурс как институциональный тип дискурса представляет собой «коммуникацию, построенную на милитарном подязыке и отражающую закономерности внеязыкового устройства жизни военных» [6, с.19].

Военный дискурс обладает такими коммуникативными признаками, как наличие социально ограниченной коммуникативной сферы с определенным кругом коммуникантов, отличающимся стратегиями и тактиками дискурсивного речевого поведения; специфической системой коммуникаций и коммуникативных средств. Несомненно, он обусловлен как ситуацией общения, так и конъюнктурой военной сферы, структурой вооруженных сил и их взаимодействием с другими институтами общества.

На формирование военного дискурса влияют, прежде всего, такие факторы как структура вооруженных сил, ее четкая субординация всех органов военных ведомств и личного состава, централизация руководства, ответственность должностных лиц. Для военного дискурса как инструмента доведения больших объемов информации, а также постановки четких целей и задач в условиях постоянно меняющейся обстановки характерны такие черты как императивность, логичность и четкость излагаемой мысли, стандартизированные модели построения текста, коммуникативная напряженность. Структура военных документов отличается высокой степенью стандартизации, информационной насыщенностью и ее компрессивностью, превалированием фактов. Что касается используемых текстов, то здесь можно выделить два основных вида: тексты, регламентирующие деятельность вооруженных сил (уставы, приказы, распоряжения, донесения, сводки и др.) и тексты информационного содержания (военно-научные, военно-технические, военно-информационные, военно-публицистические). Тексты информационного содержания, как правило, являются военными лишь по своей тематике и в основном имеют черты присущие всем общественно-политическим, публицистическим и художественным текстам.

Особое значение приобретает коммуникативная направленность военного дискурса, так называемая «коммуникативная стратегия», которая является ключом к более эффективному принятию групповых решений: «Effective discourse can have very real and significant influence on military decisions and is a key to better group decision making» [7].

М.Л. Макаров выделяет два основных свойства коммуникативной стратегии, которая:

отличается гибким и динамическим характером, так как она подвергается постоянной корректировке, «непосредственно зависит от речевых действий оппонента и от постоянно пополняющегося и изменяющегося контекста дискурса»;

зависит от конкретной ситуации общения. Ввиду того, что стратегии обусловлены соотношением цели и последовательности действий в реальной ситуации общения, они подвергаются ритуализации [8].

Т. С. Юсупова предлагает разделить военный дискурс на две основные части: формальный военный дискурс и неформальный. Предлагается также выделить отдельно еще одну группу, занимающую промежуточное положение между двумя частями военного дискурса и обладающую междискурсивным статусом [9], в которую бы вошли военно-художественная литература, военная публицистика и военно-политические материалы.

Формальный военный дискурс представлен военными материалами, к которым относятся военно-художественные, военно-публицистические и военно-политические материалы, военно-технические и военно-научные материалы и акты военного управления (различные военные документы). К военным материалам принято также относить все научно-технические материалы и акты управления, связанные с жизнью и деятельностью войск и военных учреждений вооруженных сил – это и составляет формальную часть военного дискурса. Заметим, что военно-технические материалы и военные документы, обладают рядом общих лексических особенностей: это частое использование терминологии, которая непрерывно изменяется за счет выпадения из обращения некоторых слов, изменения значений, пополнения новыми терминами в связи с реорганизацией видов вооруженных сил, появлением новых образцов вооружения и боевой техники, разработкой новых методов ведения войны; это также наличие сокращений и индексных обозначений.

Неформальный военный дискурс включает в себя непосредственно неформальное общение в военной среде, армейский сленг, а также военный анекдот, занимающий особое место в системе неформальной коммуникации. К этой части относят также условные знаки, применяемые для обозначения образцов вооружения и военной техники.

В заключение отметим, что вопросы военного дискурса сегодня являются особенно актуальными. Основная функция военного дискурса заключается в организации общения между субъектами профессиональной коммуникации, т.е. в вооруженных силах. Исследователи выделяют два основных типа военного дискурса: формальный и неформальный. Особое значение играет коммуникативная направленность военного дискурса. Военный дискурс содержит в себе интегральные составляющие, которые, несмотря на жесткий характер применяемой системы, позволяют ему проявлять гибкость и взаимодействовать с другими типами институционального дискурса.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Арутюнова Н.Д. Дискурс // Лингвистический энциклопедический словарь / Н.Д. Арутюнова. – М.: Советская энциклопедия, 1990. С. 136-137.
2. Борботько В.Г. Элементы теории дискурса / В.Г. Борботько. – Грозный: Изд-во Чечено-Ингуш. гос. ун-та, 1981. – 113 с.
3. Орлов Г.А. Современная английская речь / Г.А. Орлов. – М.: Высш. шк., 1991. – 240 с.
4. Фуко М. Порядок дискурса // Воля к истине: по ту сторону знания и власти. Работы разных лет / М. Фуко. – М.: Касталь, 1996. – 448 с.
5. Карасик В.И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс / В.И. Карасик. – М., 2004. С. 231.
6. Уланов А.В. Русский военный дискурс начала XX века: структура, специфика, эволюция // автореф. дис.... на соиск. ученой степени доктора филол. наук А.В. Уланов. – Омск, 2014.
7. Angela Karrasch, Heather Gunther The Power of Discourse. Journal Article / May 2 2014.
8. Макаров М.Л. Основы теории дискурса М.Л. Макаров / М.: Гнозис, 2003. – 252 с.
9. Юсупова Т.С. Структурные особенности военного дискурса // Известия Самарского научного центра Российской академии наук Т. 11. Вып. 4. / М.Л. Макаров. – 2009, С. 1055-1057.

Беляева Т. В., Левданская Н. М., Никитина Л. Н.

Международный государственный экологический институт им. А. Д. Сахарова БГУ (Минск)

СОВРЕМЕННЫЕ ТЕНДЕНЦИИ В ДИСКУРС-АНАЛИЗЕ

Актуальность и интерес к явлению «дискурс» в лингвистике не иссякает несмотря на то, что исследования в области дискурса ведутся на протяжении почти полувека. Это можно объяснить прежде всего с тем, что данное понятие не имеет четких границ. Также существуют разнообразные подходы к дискурс-анализу. Ниже предоставлены некоторые современные тенденции в анализе дискурса в области лингвистики.

Мультимодальный дискурс-анализ исследует различные способы общения. Так общение может быть на лингвистическом уровне, что предполагает использование слов, предложений и структур речи. Визуальный способ общения включает изображения, символы, цвета и другие визуальные элементы, а жестовый подразумевает жесты, мимику и движения тела. Можно выделить и пространственный способ, когда основное внимание уделяется

расположению элементов в пространстве, например макету веб-страницы или организации объектов в комнате. Мультимодальный дискурс-анализ акцентирует внимание на том, что разные режимы взаимосвязаны и работают совместно, создавая смысл. Сочетание вербальных и невербальных элементов способствует целостному пониманию общения. Также учитывается контекст, в котором происходит общение. Анализ предполагает понимание того, как различные способы функционируют в конкретных социальных, культурных и коммуникативных контекстах. Мультимодальный дискурс-анализ часто опирается на социальную семиотику — теоретическую основу, которая исследует, как знаки и символы используются в социальных контекстах. Социальная семиотика помогает исследователям анализировать социальный смысл, передаваемый различными способами. Этот подход особенно актуален при анализе средств массовой информации, рекламы и цифровых коммуникаций, где визуальные эффекты играют важную роль.

Критический дискурс-анализ опирается на критическую социальную теорию и лингвистику. В нем исследуется, как язык одновременно отражает и формирует социальную реальность, подчеркивая роль дискурса в укреплении или изменении властных отношений. Центральной темой такого подхода является исследование того, как язык используется для установления и поддержания властных отношений и того, как дискурс способствует воспроизводству социальных иерархий, неравенства и доминирующих идеологий. Критический дискурс-анализ рассматривает язык в его социальном контексте. Анализ выходит за рамки языковой структуры и изучает социальные, политические и исторические контексты, которые влияют на дискурс и находятся под его влиянием.

Анализ цифрового дискурса — это развивающаяся область лингвистики, которая фокусируется на изучении использования языка в цифровой среде, включая платформы онлайн-коммуникации, социальные сети, блоги, форумы и другие цифровые пространства. Анализ цифрового дискурса исследует, как язык используется, формируется и трансформируется в контекстах цифрового общения. Он охватывает как изучение языка цифровых текстов, так и влияние цифровых технологий на практику общения; а также занимается анализом моделей общения, языковых особенностей и социальной динамики в онлайн-общении. Сюда входит текстовое общение в виде письменных сообщений, комментариев и публикаций. Таким образом, анализ цифрового дискурса исследует пересечение языка, технологий и общества в цифровой среде. Он охватывает широкий спектр тем, связанных с онлайн-коммуникацией, от лингвистических особенностей цифровых текстов до социальной динамики сетевых взаимодействий.

Другая область исследования «Идентичность и позиционность» в дискурс-анализе относится к изучению того, как язык участвует в построении,

обсуждении и представлении индивидуальной и групповой идентичности, а также способов, которыми люди позиционируют себя и позиционируются другими посредством использования языка. Дискурс-анализ исследует, как люди используют язык для конструирования и выражения своей идентичности. Сюда входят такие аспекты, как пол, этническая принадлежность, раса, национальность, социальный класс и другие маркеры идентичности. Основное внимание уделяется не только индивидуальной идентичности, но и изучению того, как язык способствует построению социальных категорий. Исследователи анализируют, как лингвистические практики усиливают или противостоят социальным нормам, связанным с идентичностью. Таким образом, дискурс-анализ «идентичности и позиционности» исследует сложные способы, которыми язык играет центральную роль в построении, обсуждении и представлении идентичностей в различных социальных и культурных контекстах. Он признает динамическую и перформативную природу идентичности, подчеркивая роль языка в формировании индивидуального и коллективного самоощущения. Исследование может включать анализ повествований, интервью и других коммуникативных действий, способствующих формированию идентичности.

Когнитивный дискурс-анализ — это подход в лингвистике, который фокусируется на понимании когнитивных процессов, связанных с использованием языка. Он исследует, как люди понимают и производят дискурс, уделяя особое внимание ментальным представлениям и когнитивным механизмам, лежащим в основе коммуникативных действий. Когнитивный дискурс-анализ исследует психические процессы, происходящие во время понимания и воспроизведения языка. Сюда входят такие процессы, как внимание, память, умозаключение, решение проблем и рассуждение; Ментальные представления: Исследователей интересуют мысленные представления, которые люди создают во время общения. Это предполагает изучение того, как лингвистический ввод преобразуется в когнитивные структуры и как эти структуры влияют на понимание. Прагматические аспекты коммуникации, такие как умозаключение и контекстуально-обусловленное значение, занимают центральное место. Ученые изучают, как люди ориентируются и интерпретируют прагматические аспекты дискурса, чтобы получить предполагаемый смысл. Исследователи учитывают, как люди интегрируют лингвистическую информацию с контекстуальными подсказками, чтобы создать целостное понимание дискурса. Это включает в себя анализ того, как лингвистические элементы интерпретируются по отношению к более широкому контексту.

Анализ исторического дискурса — это подход в лингвистике, который фокусируется на изучении использования языка в исторических текстах и документах для понимания лингвистических моделей, дискурсивных практик и способов, которыми язык отражает исторические события и влияет на них. Он

стремится раскрыть лингвистические особенности, дискурсивные стратегии и социальные значения, заложенные в исторической коммуникации. Одним из направлений анализа исторического дискурса является изучение языковых изменений и эволюции с течением времени. Исследователи изучают, как языковые особенности, словарный запас и грамматические структуры трансформировались в разные исторические периоды. Исследователи анализа исторического дискурса анализируют широкий спектр текстовых источников, включая письма, дневники, речи, официальные документы, газеты и другие письменные артефакты прошлого. Таким образом, анализ исторического дискурса дает представление о лингвистических и дискурсивных аспектах исторических событий, социальных изменений и культурного развития. Он включает в себя тщательное изучение использования языка в исторических текстах для выявления закономерностей, значений и трансформаций с течением времени.

Межкультурный дискурс-анализ — это подход в лингвистике, который фокусируется на изучении использования языка в разных культурах. Он исследует, как культурные факторы влияют на общение, исследуя различия в моделях дискурса, коммуникативных нормах, а также способы, которыми язык отражает и формирует культуру. Анализ межкультурного дискурса включает в себя изучение использования языка в общении в различных культурных контекстах. Его цель — понять, как культурные факторы влияют на дискурс и модели общения. Исследователи в области анализа межкультурного дискурса изучают общение в конкретных культурных контекстах, принимая во внимание социальные нормы, ценности, убеждения и исторические влияния, которые формируют использование языка. Анализ распространяется на межкультурную коммуникацию, уделяя особое внимание взаимодействию между людьми разного культурного происхождения. Исследователи исследуют проблемы, недоразумения и эффективные коммуникационные стратегии в межкультурных встречах. Таким образом, анализ межкультурного дискурса дает ценную информацию о сложном взаимодействии языка и культуры. Он предлагает основу для понимания того, как культурные факторы формируют общение и как люди ориентируются в языковых и дискурсивных практиках в различных культурных средах.

Анализ разговорной речи — это исследовательский подход в области лингвистики, который фокусируется на детальном изучении естественного речевого взаимодействия, который занимается раскрытием организации и структуры разговоров в повседневной жизни. Целью исследования является раскрытие неявных правил и моделей, которые управляют тем, как люди участвуют в разговоре. Исследователи сосредотачивают внимание на последовательных и систематических аспектах разговора, выявляя закономерности в очередности, исправлении и общей организации. Эти

тенденции отражают разнообразный и развивающийся характер дискурс-анализа в лингвистике, охватывающий широкий спектр контекстов и методологий. Исследователи часто используют несколько подходов, чтобы получить полное представление об использовании языка в различных социальных и культурных условиях. Таким образом, анализ разговорной речи обеспечивает строгий и систематический подход к изучению организации разговора в естественном, повседневном общении.

Дискурс-анализ — это многогранная и динамичная область лингвистики, которая исследует использование языка в различных контекстах с целью выявить закономерности, значения и социальные последствия. Тенденции и подходы в дискурс-анализе отражают развивающуюся природу исследований языка и коммуникации. По сути, дискурс-анализ предоставляет исследователям и аналитикам ценный набор инструментов для изучения сложностей использования языка. Изучая модели дискурса, языковые особенности и коммуникативные стратегии, дискурсивный анализ способствует более глубокому пониманию того, как язык формирует и отражает социальные, культурные и когнитивные явления. Междисциплинарный характер дискурс-анализа позволяет ему адаптироваться к возникающим тенденциям и оставаться актуальным при изучении языка и коммуникации.

Дементьева Т. Г.

Минский государственный лингвистический университет (Минск)

ВЛИЯНИЕ РЕЧЕВЫХ ФОРМУЛ ЭТИКЕТА НА СТАТУС ДИСКУРСА

В современной лингвистике не существует общепризнанного и однозначного определения термина «дискурс», поскольку он является объектом изучения множества научных дисциплин, таких как философия, литературоведение, социология, антропология, этнография и т.д. Несмотря на продолжительные исследования в области дискурса, интерес к данному явлению не иссякает, поскольку само понятие «дискурс» не имеет четких границ [6, с. 107-108].

Понимание дискурса как социального явления восходит к исследованиям французских структуралистов и постструктуралистов, прежде всего М. Фуко. В исследовании и обосновании этого термина важную роль сыграли также А. Греймас, Ж. Деррида, Ю. Кристева. В работах этих учёных просматривается стремление к уточнению традиционных понятий стиля (в том самом максимально широком значении, которое имеют в виду, говоря «стиль – это человек») и индивидуального языка (ср.: традиционные выражения «стиль Достоевского», «язык Пушкина» или с такими более современно звучащими выражениями, как «современный русский политический дискурс» или «дискурс

Рональда Рейгана»). Понимаемый таким образом термин «дискурс» (а также производный и часто заменяющий его термин «дискурсивные практики», использовавшийся Фуко) описывает способ говорения и обязательно имеет определение – какой или чей дискурс, ибо исследователей интересует не дискурс вообще, а его конкретные разновидности, задаваемые широким набором параметров: чисто языковыми отличительными чертами (в той мере, в какой они могут быть отчетливо идентифицированы), стилистической спецификой (во многом определяемой количественными тенденциями в использовании языковых средств), а также спецификой тематики, систем убеждений, способов рассуждения и т. д. Более того, предполагается, что способ говорения во многом предопределяет и создает саму предметную сферу дискурса, а также соответствующие ей социальные институты. Итак, для французской школы дискурс – прежде всего определённый тип высказывания, присущий определённой социально-политической группе или эпохе [7, с. 35].

В рамках лингвистических дисциплин можно выделить ряд подходов к определению понятия «дискурс». Социолингвистика занимается анализом участников дискурса как представителей определенной социальной группы, а также изучает осуществление дискурса в широком социокультурном контексте [5, с. 129–132]. С социолингвистических позиций В. И. Карасик трактует дискурс как «общение людей, рассматриваемое с позиций их принадлежности к той или иной социальной группе или применительно к той или иной типичной речеповеденческой ситуации, например, институциональное общение» [2, с. 194].

В рамках когнитивного подхода дискурс представляет собой иерархичную сущность различных знаний, который необходимы для успешного порождения и понимания речи. В качестве примера подобного рассмотрения дискурса можно привести определение Е.С. Кубряковой и О.В. Александровой, где дискурс – это когнитивный процесс, который непосредственно связан с созданием речевого произведения [4, с. 19–20].

При лингвокультурологическом подходе уделяется внимание особенностям общения внутри того или иного этноса, а также описанию формульные модели речевого образа действия и доминанты данной лингвистической культуры [1, с. 29-33].

Лингвостилистический подход к изучению дискурса проявляется в определении параметров функционирования и регистров общения, а также в анализе устной и письменной речи, их жанров и различных стилистических особенностей [8].

Все вышеперечисленные подходы к пониманию дискурса не противоречат друг другу, напротив – они дополняют друг друга, позволяя рассмотреть понятие «дискурс» с разных сторон и расширить его узальный круг.

При коммуникативном подходе в центре внимания исследователей находится «речь» во всех ее значениях: устная естественная речь, коммуникативные ситуации, процесс речевой деятельности и т. д.

В соответствии с речевой ситуацией носители языка используют устойчивые выражения вежливого обращения, приветствия, просьбы, благодарности и. т. д. Выбор соответствующих речевых формул этикета существенно влияет на статус дискурса, на его формальный и неформальный характер.

Приветствие является одним из важнейших ритуалов в общении. С его помощью устанавливается контакт общающихся, определяются отношения между людьми. Официальные и неофициальные встречи знакомых, а иногда и незнакомых людей начинаются с приветствия.

Наиболее часто употребляемые формулы вежливого приветствия — «Здравствуйте!», «Рад вас видеть!», «Как ваши дела?» Приветствие «Здравствуйте!» восходит к старославянскому глаголу «здравствовать», что означает «быть здоровым», то есть здоровым.

Ситуации речевого общения бывают формальные и неформальные. Существуют речевые акты, когда оба говорящих находятся в равных социальных ролях, такие ситуации мы будем называть равносоциальными, а когда говорящие находятся в неравных социальных ролях – неравносоциальными. В зависимости от уровня взаимоотношений в процессе речевого акта категория вежливости будет реализовываться тем или иным путем.

Примеры равносоциальных ситуаций мы находим в следующих этикетных формулах приветствия: «Привет!», «Доброе утро!», «Добрый день!» и др.

В разговорных ситуациях приветственные формулы «Привет!» «Как дела?» «Здрóво!» и др. выражают близкие, непринуждённые отношения и широко распространены среди молодёжи. Влияние английского языка на молодежный сленг нашло отражение в следующих этикетных формулах приветствия: «Хеллоу!», «Хай!» и др.

Просьба – побудительный речевой акт, предполагающий действие, совершаемое слушающим в интересах говорящего, при этом у исполнителя действия есть свобода выбора относительно того, совершать это действие или нет (имеется прагматическая опция). Соблюдение говорящим принципа этикета в этом речевом акте сводится к сглаживанию его изначальной «невежливости», которая связана с тем, что в нем совмещается, с одной стороны, волеизъявление говорящего, а с другой – побуждение к действию адресата. В русском языке набор моделей речевых высказываний, обслуживающих речевой акт *просьба*, достаточно разнообразен. В основном все вежливые просьбы и предложения оформляются лексической единицей *пожалуйста*, которое дополняется грамматическими средствами смягчения просьбы и предложения.

Для актуализации вежливых отношений между коммуникантами и снижения категоричности высказывания в русском языке существует целый ряд лексических средств, среди которых маркер вежливости *пожалуйста*. Помимо *пожалуйста* эффективного средства усиления вежливости императивного высказывания является обращение на *вы*. Большую роль играют уменьшительно-ласкательные суффиксы как в обращениях (*дружок, сыночек, деточка, Машенька*), так и в других именах: *Ротик откройте (у зубного врача)*;

Сестричка, принесите стаканчик воды (в поликлинике). Даже без слова *пожалуйста* подобные высказывания звучат как мягкая просьба несмотря на наличие императива. Возможно употребление различных минимизаторов, уменьшающих цену просьбы: *Подожди секундочку / Посиди со мной минутку / Налей мне капельку кофе* [3, с. 92-93].

В случаях, когда выполнение просьбы сопряжено с какими-то усилиями, действиями, то обращение может принимать следующую форму: - *Извините, приходится Вас беспокоить.* Данная этикетная формула может быть использована в различных просьбах. Употребление этого выражения придает просьбе дополнительную вежливость.

Одними из наиболее распространенных семантических средств выражения категории этикета являются маркеры благодарности. Благодарность представляет собой выражение признательности за совершенное или запланированное действие, добро, внимание, услугу.

Нейтральные формы благодарности в русском языке включают: *Спасибо (за внимание, за гостеприимство, за совет, за угощение...), Большое (огромное) спасибо, Благодарю Вас (за внимание ...)* и др. К более вежливым средствам благодарности относятся следующие слова и фразы: *Я Вам очень (чрезвычайно) благодарен (за...).* *Если бы Вы знали, как я Вам благодарен (признателен)!* *Заранее Вас благодарю. Вы очень любезны!* и др.

В русском языке формальные выражения благодарности могут быть представлены устойчивыми лексическими единицами (*Спасибо*). Используются также модальные глаголы (*Я должен Вас поблагодарить за..., хочу выразить благодарность всей вашей семье за эти теплые поздравления.*), сослагательное наклонение (*Без тебя я бы не смог ... (не справился, не осилил).*) Формальные выражения благодарности – это, в основном, сложные предложения с более высокими по стилю прилагательными и существительными. Сложные повествовательные предложения выражают подчеркнутую вежливость по отношению к тому (тем), кого благодарят (*Я благодарю судьбу за то, что она послала мне такого замечательного человека как Вы*).

Таким образом, краткий обзор речевых формул этикета, используемых при приветствии, просьбе и благодарности, позволяет сделать вывод об их влиянии на статус дискурса, на его формальный и неформальный характер.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Иванова, С. В. Политический медиа-дискурс в фокусе лингвокультурологии // Политическая лингвистика. 2008. – № 1 (24). – С. 29–33.
2. Карасик В. В. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. – М.: ГНОЗИС, 2004. – 389 с.
3. Клименко, О. К. Категория вежливости и речевой этикет в русском языке // Русский язык в современном обществе: (Функциональные и статусные характеристики). Сб. обзоров. Сер. "Теория и история языкознания" Отд. языкознания; Отв. ред.: Опарина Е. О., Казак Е. А. – М., 2005. – С. 85-101.

4. Кубрякова, Е. С., Александрова, О.В. Виды пространства, текста и дискурса // Категоризация мира: пространство и время: материалы науч. конф. – М.: Диалог, 1997. – С. 19–20.

5. Патюкова, Р. В. Разноаспектная корреляция категориальных областей дискурса и коммуникации // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – Тамбов: Грамота, 2011. – № 2 (9). – С. 129–132.

6. Речицкая, С. В. Понятие «дискурс» в современной лингвистике / С. В. Речицкая // Философия и наука в культурах Запада и Востока. Сборник статей по материалам II Всероссийской научной конференции с международным участием (6–7 июня 2018 г.). – Томск: Издательский Дом Томского государственного университета, 2018. – С. 107-108.

7. Хурматуллин, А. К. Понятие дискурса в современной лингвистике / А. К. Хурматуллин // Ученые записки Казанского государственного университета. Том 151, кн. 6. Гуманитарные науки. – Казань: КГУ, 2009. – С. 31-37.

8. Шпетный, К. И. Прагматические параметры профессионального дискурса (на материале bbs News/ News Front Page) // Вестник МГЛУ. 2010. Вып. 17 (596). – Москва: МГЛУ, 2010. – С. 214–234.

Yahorava N. A.

University of NAS of Belarus (Minsk)

EXTREME SITUATION DISCOURSE UNDERPINNINGS

The discourse evolving in response to the unique characteristics of each extreme and pressing decision-making circumstance learned from past experiences contributes to a comprehensive understanding of critical and non-standard situations, highlighting different challenges, strategies, and perspectives of modern life. The discourse of extreme situations typically revolves around analysis, discussion, and understanding of how individuals, groups, organizations, and societies behave, communicate, and make decisions in highly unusual, stressful, or crisis scenarios. These extreme situations can range from natural disasters and pandemics to war, terrorist attacks, and other critical emergencies.

The thematic specialty of extreme situations [1; 2; 3] discourse encompasses focused areas, each dealing with specific aspects of how extreme situations are understood, managed, and communicated: Therefore, the discourse surrounding extreme situations can be broken into several types, each dwelling on different aspects of critical scenarios. Each thematic specialty provides a unique lens through which to understand and address the complexities of extreme situations, contributing to a more holistic and effective approach to crisis management and disaster response. Here are some of the primary types of discourse that are commonly observed in the context of extreme situations:

1. Crisis communication: This type of discourse is about how information is communicated to the public before, during, and after a crisis. It involves strategies to effectively convey risk information, manage public perceptions, and encourage appropriate behavior: dealing with target groups, social media and handling the dissemination of emergency news, the challenges of combating misinformation [3, p. 11].

2. Ethical and moral discourse: Here, the discussion revolves around the ethical dilemmas and moral decisions that arise in extreme situations. This includes prioritization of resources, triage in medical emergencies, decisions in life-threatening situations, and the balance between individual rights and the greater good.

3. Psychological and sociological discourse: This discourse explores the psychological impact of extreme situations on individuals and communities. It covers topics like resilience, psychological first aid, mental and physical health challenges, societal reactions, and coping mechanisms.

4. Policy and governance discourse [3] focuses on the strategies and methodologies for effectively managing and responding to crises: It examines the role of government, public policy, and institutional responses. It includes preparedness planning, response coordination, recovery efforts, and the evaluation of policy effectiveness in managing extreme situations.

5. Technological and scientific discourse [1; 2]: This discourse focuses on the role of technology and science in predicting, managing, and mitigating extreme situations. It includes advancements in early warning systems, disaster management technologies, and the scientific understanding of natural disasters or pandemics.

6. Legal discourse: This encompasses the legal aspects of extreme situations, including the laws and regulations that come into play during emergencies, issues of liability and accountability, and the legal rights of individuals and organizations in such scenarios.

7. Cultural and historical discourse: This type of discourse involves the examination of how different cultures and historical contexts influence extreme situation handling. It includes cultural attitudes towards disasters, historical analysis of past events, and lessons learned from history.

8. Leadership and management discourse: It focuses on the strategies and tactics of effective leadership in crisis situations. This includes decision-making processes, leadership styles, team management, and organizational dynamics in high-pressure environments [4, p. 50].

The concept of “professional codes” is closely related to the discourse of extreme situations as it is about how professional ethics and guidelines are applied and discussed in highly challenging, unusual, or critical scenarios. In these circumstances, professionals (medical personnel, emergency responders, military personnel, or others) often face unique ethical dilemmas and challenges connected with: a) adherence to professional standards (how can professionals maintain their ethical standards and

protocols in settings that are chaotic or where resources are limited?); b) decision-making in crisis (how should professionals make decisions when they have to balance the urgency of the situation with the need for thorough, considered judgment?); c) intrapersonal contradictions (how do professionals reconcile the potential conflict between their duty to follow orders or protocols and the moral imperative to do what seems right in a critical situation?); d) communication and information sharing (what are the ethical considerations in communicating sensitive or potentially distressing information in unpredictable scenarios?); e) training and preparedness content (how should training programs incorporate the potential for non-standard problems, and how can professionals be prepared to face such challenges?) [1; 2; 3].

These are just general ideas concerning professional codes, consequently, the specific issues and considerations can vary greatly depending on the field of activities and the nature of a certain scenario. Regardless of any extreme situation discourse specialty, the commonality lies in the fact that effective communication will significantly influence the outcome of a crisis, impacting public safety, response efficiency, and recovery efforts. Here are the key considerations for extreme situation managing: 1) crisis communication planning: (developing strategies of how to communicate before, during, and after a crisis, preparing crisis communication plans, identifying key messages, and establishing protocols for information dissemination); 2) information dissemination (acknowledging the best channels and methods for delivering/broadcasting/presenting information rapidly and effectively: traditional media, social media, direct communication through alerts, community networks); 3) media relations (press briefings, managing media inquiries, and leveraging media to disseminate critical information to the public) and misinformation and rumor management; 4) cultural and linguistic considerations (tailoring communication to be culturally and linguistically appropriate to ensure messages are effectively received and comprehended by diverse groups) [1].

The cultural and linguistic specialty within the discourse of extreme situations addresses the complexities and nuances of communicating and managing crises in a culturally and linguistically diverse context. This specialty is crucial because the effectiveness of crisis response and recovery efforts often depend on how well they are tailored to the cultural and linguistic needs of the affected group. We will consider some basics predetermining cultural and linguistic underpinnings. First, cultural sensitivity should be taken into consideration. It presupposes understanding and respecting cultural norms, values, and practices in crisis settings and ensuring that messages and interventions are appropriate and sensitive to the cultural context. Second, it stands out as a prerequisite for overcoming language barriers via providing information in multiple languages (this is essential for ensuring that all target groups receive and understand critical information) and training emergency responders and crisis managers to be culturally competent, enabling them to interact effectively with

people from various cultural and social backgrounds (engaging in the planning and implementation of crisis response and decision-making processes).

In summary, the specialty of extreme situation discourse emphasizes the importance of respective approaches in crisis management. It highlights the need for inclusivity and respect for diversity in all aspects of crisis communication and response. Thus, effective steps in extreme situation handling call for a balance between speed and accuracy, adapting to changing scenarios, and meeting diverse needs of different audiences. The discourse in this field is continually evolving, with lessons learned from past crises shaping and updating future strategies and tactics which rely on primary types of discourse and considerations enabling a specialist to cope with popping up emergencies. Though the specific issues and considerations can vary greatly depending on the field of activities and a certain scenario, given effective communication organization in a critical situation a person will significantly influence the outcome of a crisis, impacting public safety, mental and physiological health and fast group recovery.

REFERENCES

1. Егорова, Н. А. Использование педагогических ситуаций в процессе преподавания иностранных языков: метод. рекомендации для организации контролируемой самостоятельной работы студентов специальности 1-02 03 07 Иностранный язык (английский). Дополнительная специальность, 1-02 03 07-02 Иностранный язык (английский). Информатика / Н. А. Егорова. — Барановичи : РИО БарГУ, 2011. — 64 с.

2. Егорова, Н. А. Professional situations as the factor of student training for future careers / Н. А. Егорова // Ценностно-личностные и профессиональные ориентиры студентов нового поколения: материалы II Респ. науч.-практ. интернет-конф. с междунар. участием, г. Горловка, 13-24 февраля 2017 г. / Горловский ин-т иностр. яз.; отв. ред. С. Э. Зябрева. – Горловка : Изд-во ОО ВПО «ГИИЯ», 2017. — С. 157–159.

3. Koff, R. *Human Behavior in Extreme Situations: Implications for K-12 Education in the Twenty-First Century* / R. Koff, K. R. Hanna. — Portland: Inkwater Press, 2015. — 126 p.

4. Hancharonak, I. Intellectual leaders preparation: Synergetic approach and European experience / I. Hancharonak, N. Yahorava // “European Studies” Journal (Moldova). – 2018. — Issue N 12. — P. 49–64.

Ковалева Т. Г.

Университет гражданской защиты МЧС Беларуси (Минск)

О НЕКОТОРЫХ ПОДХОДАХ К ИЗУЧЕНИЮ ДИСКУРСА ПОЖАРНО-СПАСАТЕЛЬНОЙ СФЕРЫ

Существует несколько подходов к определению понятия «дискурс». В самом общем дискурс рассматривается как совокупность устных и письменных текстов, сфокусированных на определённую область жизни общества [1, с. 9], включая его безопасность. Безопасность жизнедеятельности в различных сферах жизни общества стала предметом разных наук, в том числе лингвистики. Структурно-семантические особенности дискурса безопасности жизнедеятельности изучаются в рамках новой научной парадигмы – лингвистики чрезвычайных ситуаций [2, с. 70].

Ученые считают, что дискурсы способны определять социальные, культурные и глобальные изменения, вызывать экологические катастрофы, войны, смены политического курса, не говоря уже об изменении миссии организаций, направлений рекламы и моды. Именно поэтому необходимо изучать явные и скрытые смыслы, а также средства их выражения, созданные в поле значения дискурсов, чтобы предвидеть их социальные последствия.

Необходимость лингвистического анализа коммуникации в чрезвычайных условиях первыми осознали в Китае в годы пандемии коронавируса. В условиях массовых заболеваний и повальных смертей необходимая помощь не оказывалась вовремя из-за простого непонимания терминологии. В Китае ученые выдвинули концепцию «национальной языковой компетенции», в которую входили такие показатели как: языковая компетенция граждан (количество используемых языков на территории страны; наличие специалистов, владеющих иностранными языками; количество государственных языков и их статус внутри страны и за рубежом; уровень развития технологий обмена информацией в стране; уровень административного управления лингвистической жизнью государства [3].

Ученые исследуют понятийные и семантические аспекты языкового материала, касающегося безопасности жизни общества. При лексико-семантическом анализе исследуется сема «чрезвычайность» и средства ее репрезентации в нескольких тематических полях: «Пандемия», «Правонарушение», «Политический мотив», «Природные катаклизмы», «Халатность», «Радикализм», «Техногенная катастрофа», «Случайность» [4, с. 20], представленные в публицистических текстах средств массовой информации в Германии. Оказывается, что наряду со специальной терминологией, которая является достаточно обширной, в таких текстах имеют место тропы и фигуры речи, такие как, метафора, эвфемизмы, фразеологизмы, крылатые выражения, цитаты из художественной литературы [4, с. 20-21]. Тональность дискурса СМИ в чрезвычайных ситуациях оказывает эмоциональное воздействие на читателя, как преувеличивая опасность и нагнетая обстановку неуверенности и тревожности, так и снижая напряженность и страх простых граждан.

Большое внимание уделяется социолингвистическим факторам и аспектам языковой политики в области чрезвычайных ситуаций, исследуемых через

соответствующие терминологические поля [5]. Доказано, что «терминология ЧС находится под воздействием трех социальных сфер: административной, образовательной и медийной», при этом специальные термины образуются в основном «за счет привлечения средств литературного языка при добавлении видовых признаков» [5, с. 5]. Специальная лексика группируется в рамках микрополей: бытие, существование, пространство, количество, конкретная деятельность, участники, факторы, средства труда, структура, событие, факт [6, с. 6].

Следует отметить, что вопросам лингвокультурологического анализа дискурса пожарно-спасательной сферы уделяется недостаточно внимания. Тем не менее, культурологические, социолингвистические, а также связанные с ними семиотические исследования могут дать много интересных фактов и закономерностей образования, функционирования и прагматики данного вида дискурса.

В качестве объекта анализа был выбран дискурс пожарно-спасательной сферы, представленный в коммуникативном пространстве Университета пожарной защиты (далее – УГЗ). В качестве инструмента анализа использовалась предложенная В.И. Карасиком схема: участники, хронотоп, цели, ценности, жанры, прецедентные тексты, дискурсивные формулы [6, с. 251].

Участники пожарно-спасательного дискурса УГЗ – курсанты, студенты, служащие, работники УГЗ. Хронотоп: прошлое, настоящее и будущее университета. Цели отражаются в речевой форме в формулировке миссии, которая определена на заседании Совета университета и утверждена Министром по чрезвычайным ситуациям Республики Беларусь в октябре 2016 года. Она заключается в подготовке высоко квалифицированных специалистов, обладающих сформированными гражданскими и нравственными качествами, стремящихся постоянно совершенствовать свои профессиональные качества во благо Республики Беларусь и ее народа.

Ценности выражаются в речевой форме в девизе «Эффективное образование через традиции качества и динамику инноваций». «Профессионализм. Отвага. Честь. Верность Присяге»; наивысшая ценность – качество образовательных услуг.

Дискурс пожарно-спасательной сферы отличается семиотическими чертами, на которых следует остановиться отдельно. Семиотика или язык символов или знаков «позволяет вести речь о предметах и объектах, фактически отсутствующих перед аудиторией, создавая видимый (слышимый, осязаемый) образ, устраняя временные и пространственные рамки» [7]. Единицами семиотики выступают изображения, символы, вербальные и невербальные знаки.

Эмблема университета легко воспринимается, не требует адаптации к различным языковым группам, культурам. Она наглядно демонстрирует посыл: мужество в борьбе с огнем и воспроизводит скульптурную группу, воздвигнутую перед зданием университета к 50-летию юбилею учебного заведения. Скульптурная композиция «Огнеборцы» была создана под руководством

капитана внутренней службы А.П. Лиса в 1983 году. Памятник олицетворяет смелость, мужество и героизм пожарных в сложных условиях борьбы с огненной стихией и является визитной карточкой университета.

Знамя университета символизирует сплоченность, честь и славу. Нагрудный знак об окончании университета является символом принадлежности к организации.

Дискурс пожарно-спасательной сферы включает, рассматриваемый в семиотическом аспекте, включает традиции и ритуалы. Ритуалы пожарных-спасателей сродни воинским. Ритуалы — это торжественные церемонии, совершаемые в повседневных условиях, во время праздничных торжеств и других случаях. Они включают в себя приветствие, отдавание почестей, развод караулов, вручение знамени, производство салютов, торжественные марши, строевые смотры и многое другое. приведение к присяге, торжественные марши, ритуал подъёма и спуска флага. Ритуалы являются постоянно действующим и эффективным воспитательным средством. Воспитательное воздействие ритуалов заключается в том, что они всегда олицетворяют красоту деятельности по спасению людей, самоотверженность при выполнении профессионального долга. Как и воинские, ритуалы пожарных условно можно подразделить на следующие виды: а) парадной деятельности; б) повседневной деятельности; д) учебы.

Важно отметить, что ритуалам людей в погонах во всех странах придается чрезвычайно важное значение, закрепляя постоянные характеристики данной социальной группы, усиливая идентичность и профессиональную принадлежность. Ритуалы пожарных-спасателей не подвержены изменениям, они разыгрываются раз за разом по одному и тому же сценарию, имеют положительно-возвышенную эмоциональную окраску, в создании которой участвует специальная парадная униформа, головные уборы, музыка, в некоторых случаях строевое пение, барабанный бой, государственная и корпоративная символика.

Прецедентные тексты представлены учебными программами, учебниками, и учебными пособиями, инструкциями, предписаниями, тестовыми заданиями.

Таким образом, дискурс пожарно-спасательной сферы образуется взаимодействием вербальных (текстовых) и невербальных элементов (геральдические знаки, ритуалы), которые следует изучать и описывать в органичном взаимодействии и функционировании.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Йоргенсен М. В. Дискурс-анализ = Discourse analysis as theory and method / Марианне В. Йоргенсен, Луиза Дж. Филлипс. – 2-е изд., исправленное. – Харьков : Гуманитарный центр, 2008. – 350 с.

2. Уютова, Е.В., Структурно-семантические особенности терминологии международного англоязычного дискурса чрезвычайных ситуаций // Е.В. Уютова, А. М. Поминова // Социальные и гуманитарные науки на Дальнем Востоке. 2022. Т. XIX, Вып. 1. С. 70–78. The Humanities and Social Studies in the

Far East. 2022. Vol. XIX, Is. 1. P. 70–78. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://eastjournal.ru/>. Дата доступа: 02.10.2023.

3. Li, Y. Language Lessons of COVID-19 and Linguistic Disaster Preparedness. 2020. [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://www.languageonthemove.com/language-lessons-of-covid-19-and-linguistic-disaster-preparedness> – Дата доступа: 03.04.2023

4. Самородин Г.В. Вербализация чрезвычайных ситуаций в СМИ Германии. Автореф. на соискание ученой степени канд. филол. наук. Специальность 10.02.04 Германские языки. Москва 2022. – 24 с.

5. Зайцева А.С. Специальная лексика чрезвычайных ситуаций: структурные и функциональные тенденции в новейших терминологиях. / Алла Сергеевна Зайцева. Автореф. канд дис. на соискание ученой степени канд. филол. наук. Специальность 10.12.19 – теория языка

6. Карасик В. И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс / В. И. Карасик. Москва: Гнозис, 2004. – 390 с.

7. Секреты графического дизайна рекламы. Семиотика в дизайне. [Электронный ресурс] Режим доступа: Источник: <https://mindrepublic.ru/семиотика-в-дизайне>. Дата доступа: 13.03.2024

Коновалова Ю. А.

Филиал «Институт профессионального образования» Университета гражданской защиты МЧС Беларуси (Гомель)

ПАРАМЕТРЫ И КРИТЕРИИ ДИСКУРС-АНАЛИЗА

Несмотря на то, что уже со второй половины XX в. научные интересы лингвистов всё больше концентрируются вокруг проблем текста и его категорий, проблема анализа дискурса всё равно остаётся недостаточно освещённой в исследовательской литературе.

Дискурс в начальных его вариантах был исследованием текстов (последовательности предложений) с позиций структурализма, т.е. представлял собой структуралистски ориентированную грамматику текста. Поэтому российский исследователь дискурса Потапова С.Ю. предложила в основу дискурсивной модели заложить "математические" параметры: иерархическую, циклическую, линейную, параллельную, зигзагообразную и концентрическую структуры [1].

Большинство же исследователей характеризуют дискурс с точки зрения лингвистики и выделяют в нём личность, целостность, композиционную оформленность, ситуативность, информативность, процессуальность.

Дискурсивная модель в лингвистической науке может быть представлена в виде схемы, соответствующей современным теориям коммуникации: *адресант* (субъект коммуникативного процесса) -> *сообщение* (текст/дискурс) -> *канал*

(типологическая разновидность текста – вербальный/невербальный) -> код (жанровая разновидность текста) -> адресат (субъект коммуникативного процесса) -> результат коммуникации (воспринятая и интерпретированная информация) -> обратная связь [2].

Рассмотрим параметры и критерии преобладающего в настоящее время вида дискурса – медийного дискурса: статьи и сообщения в газетах и журналах, по телевидению, на интернет-порталах. При осуществлении дискурс-анализа целесообразно выделить следующие лингвистические параметры: *интенсивность дискурса, тематические детерминанты, речевые стратегии и тактики, лексический состав и ключевые слова, жанры текстов дискурса, схемы развертывания медийного сюжета*. В разной степени все названные параметры характерны для любого дискурсивного пространства. От того, в какой степени и какими качественными или количественными характеристиками тот или иной параметр представлен в общем массиве дискурса, зависит конечная структура изучаемого объекта. Видение ситуации в целом позволяет формировать (и регулировать) общий массив дискурса.

Структурно система коммуникации может содержать следующие компоненты:

«информационную» коммуникацию, осуществляемую с целью сообщения новых знаний и изменения «картины мира»;

коммуникацию «сотрудничества», имеющую цель обеспечения взаимодействия субъектов коммуникативного процесса;

«императивную» коммуникацию, реализуемую в рамках «инструктирующего» дискурса; используется при реализации интенции «управление»;

«оценочную» коммуникацию, которая обычно достигается путём использования оценочных речевых актов и выполняет контрольную функцию.

Одним из значимых параметров, обозначающих количественные и качественные характеристики медийного дискурса, их соотносимость с дискурсами, основанными на сходных детерминантах, является *интенсивность дискурса*. Также данный параметр связан с особенностями формирования массива сообщений, составляющих исследуемый объект, которые могут проявляться в той или иной степени в зависимости от условий существования СМИ, от их редакционной политики, от актуальной повестки дня, а также от ряда субъективных факторов, характерных для конкретной области знаний или даже территории.

Анализ сообщений по темам менеджмента безопасности, предупреждения и ликвидации чрезвычайных ситуаций позволяет сделать вывод о том, что интенсивность дискурса достигается за счет многократного освещения одного и того же факта многими средствами массовой информации (интернет-сообщения, газеты, журналы), что создает эффект искусственного расширения контента. Для характеристики этой особенности логично использовать такой лингвистический параметр, как *схема* развертывания медийного сюжета. Характеристика интернет-сообщений свидетельствует о том, что любой дискурс происходит на

трех разных этапах: *анонс*, *событие*, *рефлексия*. Такая структура характерна в большей степени для культурного дискурса [3] и дает возможность классифицировать его как полноценное медийное дискурсивное образование. Однако, анализируя статьи о событиях, происходящих в области предупреждения и ликвидации чрезвычайных ситуаций, можно утверждать, что они имеют такие же этапы.

Первый этап – *анонс* события — то, о чем все СМИ сообщают до факта конкретного события. Чаще всего это новостная заметка, иногда с бэкграундом, элементами исторической справки, фактами по поводу, иногда просто фото без текста (фотофакт). Такие сообщения (в онлайн-изданиях в заголовках используются глаголы будущего времени) есть на всех ресурсах, как печатных, так и интернет-ресурсах.

Второй этап дискурса — *событие*, т. е. сообщение о самом факте, чаще всего непосредственно с места события или сразу после него. В большинстве случаев такие сообщения представлены репортажем или отчетом (редко иными жанровыми формами).

Интернет-СМИ часто используют фоторепортажи с большим количеством фотоиллюстраций, иногда они не сопровождаются текстом, либо имеют минимальное текстовое дополнение. Иногда используется интервью с участниками событий непосредственно с места его проведения, или тексты смешанного типа, как, например, репортаж с места события, а во второй части текста — интервью с участниками.

Третий этап дискурса — *рефлексия* по поводу того или иного события. На этом этапе используются преимущественно тексты аналитического или художественно-публицистического типа: рецензия, комментарий, интервью.

Такая структура справедлива для большинства дискурсивных сюжетов медиаполя, за исключением тех, которые связаны с незапланированными событиями, с проблемными и пограничными темами, тем не менее имеющими отношение к конкретному контенту, когда тематика события затрагивает какой-либо другой дискурс, например, переходит в социальную, экономическую, политическую и др. плоскости. Она появляется также, когда специальный дискурс переходит на более высокий, например, республиканский уровень СМИ. В таких случаях часто может отсутствовать первый этап, поскольку невозможно анонсировать незапланированное событие. Но следующие этапы присутствуют в любом случае. В зависимости от тематики сообщения и его связи с тем или иным дискурсом этап рефлексии заполняется сообщениями разных жанровых форм, преимущественно аналитического характера. В таких случаях дискурс по чрезвычайным ситуациям можно поставить на один уровень с другими тематическими дискурсами медиаполя, например, политическим, историческим, экологическим, экономическим и др.

Важными лингвистическими параметрами можно назвать *лексический состав и ключевые слова* дискурса. В понимании текста ключевые (доминантные) слова играют особую роль. Как показывают теоретические исследования, «ключевое слово текста активизирует связанные с ним структуры

ассоциативных значений, которые извлекаются в рабочую память индивида из его долговременной памяти и затем используются в процессе формирования интегративных комплексов, функционирующих как цельные минимальные единицы знаний» [2]. Иными словами, с помощью ключевых слов происходит формирование тезауруса (лексического состава), который и помогает ориентироваться в конкретной области знаний.

При исследовании дискурса лексический состав и ключевые слова становятся важными параметрами, помогающими составить целостное представление о формировании и функционировании медиадискурсов. Стоит отметить и то, что при изучении медийного дискурса целесообразно использовать термин «ключевые слова текущего момента», который быстро входит в научный оборот, получает лингвистическое толкование и широко используется в филологической практике. Такие ключевые слова можно найти «либо в устных речах современников, либо в «низкой» прозе» [4], т.е. в газетных текстах. Т. В. Шмелева отмечает, что все более популярными становятся лингвистические исследования текстов периодических средств массовой информации в 90-е годы, которые в то время считались написанными не в соответствии с нормами и правилами устоявшегося газетно-публицистического стиля. Медиалингвистика как активно развивающееся направление современной лингвистики дает новый импульс к изучению традиционных понятий с точки зрения современных реалий. Так, трактовка понятия *ключевое слово* сейчас получила явный уклон в сторону интернетизации, несёт существенную смысловую нагрузку и может служить ключом при поиске соответствующей информации. То есть в вебе ключевые слова используются главным образом для поиска информации.

Ключевые слова дискурса имеют достаточно широкую, но скорее, нейтральную палитру. Однако формируется он циклически, в зависимости от актуальной повестки дня, которая выводит в медийное пространство разные ключевые словообразования. Например, основной тематической детерминантой медиадискурса в области чрезвычайных ситуаций является сам термин *чрезвычайная ситуация*, являющийся постоянным и единым ключевым словом. Высокой степенью универсальности также обладают слова, маркирующие подобные институции: *возгорание, авария, сводка, спасатели, ситуации, пожары, наводнения, происшествия*, а также производные от них слова и словосочетания: *аварийно-спасательные работы, чрезвычайные ситуации, сводка ЧС за сутки, спасательные операции* и т. д. Часто в медиаполе встречаются специфические словосочетания, относящиеся к какой-либо одной отрасли, так называемая *специальная терминология*.

Рассмотренные лингвистические параметры дискурса — небольшая, но значимая часть качественных и количественных характеристик медиаполя в области чрезвычайных ситуаций. Дальнейшее их изучение позволит сложить целостное представление об этом сегменте жизни общества, играющем важную роль в менеджменте безопасности жизнедеятельности.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Потапова, С.Ю. Номинация лица в обиходном дискурсе. – Ярославль: МУБиНТ, 2003. – 267 с.

2. Основы функциональной лингвистики: дискурсивный аспект : Учебное пособие для студентов факультета русского языка и литературы / Автор-составитель М.Ю. Олешков. – Нижний Тагил, 2006. / [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://textarchive.ru/c-2065402-pall.html>. – Дата доступа: 16.01.2024.

3. Василенко, И.В. Лингвистические параметры культурного дискурса // Вестник Новгородского государственного университета. – 2015, – № 90. – С. 129-132.

4. Василенко, И.В. Дискурс культуры // Новгородское медиаполе: опыты лингвистических исследований: коллективная монография / Под ред. Т.В.Шмелевой. – Великий Новгород: НовГУ им. Ярослава Мудрого, 2015. – 164 с.

Коньшева А. В.

Белорусский государственный экономический университет (Минск)

ПЕРЕВОДЧЕСКИЙ ДИСКУРС В СИСТЕМЕ МЕЖКУЛЬТУРНОЙ КОММУНИКАЦИИ

Понятие «дискурс», получившее широкое распространение в современной лингвистике, отличается сложностью и вариативностью в силу своей междисциплинарной природы и отсутствия единого определения. Кроме того, тесная сопряженность этого понятия с целым рядом наук и исследовательских областей, включая компьютерную лингвистику, философию, психологию, социологию, литературоведение, семиотику, теорию и практику перевода, педагогику и др., обусловила изучение дискурса с различных концептуальных позиций, в зависимости от специфики предмета изучения.

Мы решили акцентировать внимание в нашей статье на переводческом дискурсе, так как он является важным объектом изучения при работе со студентами неязыковых специальностей.

Переводческий дискурс привлекал и привлекает множество исследователей благодаря его социальной значимости, так как он обеспечивает межкультурное и межличностное взаимодействие. Из этого следует, что он формирует функциональную и когнитивную сложности, т.е. сложности понимания процессов, задействованных при реализации переводческой деятельности.

Изучая научную литературу, мы пришли к выводу, что существуют, по крайней мере, четыре значения понятия «перевод»:

- перевод – «речемыслительная деятельность человека по созданию текста, репрезентирующего текст-оригинал на другом языке» [1, с. 10];
- перевод – процесс «перекодирования языковых знаков в знаки другой языковой системы» [2, с. 5];
- перевод – результат означенного процесса (текст или устное высказывание) [3, с. 137];
- перевод – словарное (или грамматическое) межъязыковое соответствие, например, перевод термина или фразеологизма [3, с. 145].

Представление о переводе как о сложной коммуникативно-когнитивной деятельности, обусловленной целым рядом факторов: лингвистическими, психологическими, культурологическими, социальными, информационно-технологическими, преобладает в современном научном пространстве.

Такой подход требует не только сопоставления оригинального и переводного текстов и языковых систем, но и их связи с личностью переводчика, мерой его языковой и предметной компетентности, владения техниками и

операциями, необходимыми для принятия решений; сопоставления особенностей и возможностей разных культурных традиций; подготовки, условий деятельности и оценки труда переводчика; соотношения технологических ресурсов с реальными потребностями общества в данном виде деятельности [4, с. 80].

Термин «дискурс перевода» первой использовала Сьюзен Басснетт [5, с. 188]. Однако в то время она не дала ему теоретического обоснования данному явлению. В ее трактовке основное место в данном процессе занимала только связь перевода и культуры.

Данную трактовку критикует Н.Л. Галеева, которая считает, что «девиз переводить культуры, а не язык основывается на ложной концептуализации взаимоотношений между языком и культурой и потому искажает суть переводческого процесса [6, с. 26].

Из данного высказывания можно прийти к выводу, что эта теория пренебрегает изучением способов достижения адекватности в ходе процесса перевода.

В 2019 году в г. Симферополь состоялась международная научно-практическая конференция под названием «Переводческий дискурс: междисциплинарный подход» [7], которая была посвящена актуальным проблемам теории и практики перевода, современного литературоведения, а также прикладным аспектам и жанровым стратегиям перевода, переводу и межкультурной коммуникации и вопросам дидактики перевода. Здесь же присутствовала тематика научно-библиографической деятельности библиотек в сфере переводоведения.

Исходя из содержания сборника, переводческий дискурс понимается очень широко, как любой текст, освещающий проблемы перевода.

По нашему мнению, переводческий дискурс имеет двоякую сущность, которая представляется нам как:

- научно-теоретическая, тяготеющая к научному дискурсу и
- практико-ориентированная, относящаяся к дискурсам деловой направленности и имеющая институциональный характер.

Мы считаем, что данные подтипы переводческого дискурса могут быть обозначены как переводоведческий и собственно переводческий.

Основными аспектами развития анализа переводческого дискурса являются: его моделирование; особенности перевода как результата переводческой деятельности; понятия эквивалентности и адекватности перевода; требования к переводчику; основные особенности художественного перевода; специфика национально-культурной адаптации художественного текста при переводе; дискурсивная компетенция переводчика как компонент, позволяющий создание целостных и связных текстов и другие вопросы в исторических парадигмах осмысления переводческой деятельности.

В связи с этим необходимо уделять внимание специфике переводческого дискурса, осуществляющего корреляции русскоязычных и иноязычных текстов. При этом необходимо отводить особое место:

- поиску лексических и грамматических соответствий;
- стратегиям переводческих трансформаций;
- безэквивалентной лексике и фразеологическим единицам.

Из вышесказанного можно констатировать, что актуальность исследования переводческого дискурса несомненна. Это можно объяснить, опираясь на следующие понятия, которые мы считаем вполне закономерными.

1. Переводческий дискурс является сложным единством когнитивных, функциональных и институциональных компонентов, которые недостаточно изучены на современном этапе научных исследований, особенно в междисциплинарной и межкультурной парадигме.

2. Переводческий дискурс создается из потенциальных смысловых значений, которые существуют в языке перевода в соответствии с дискурсивным контекстом языка-источника, вследствие чего действия переводчика обусловлены системой переводного языка и актуализацией смысла в контексте языка оригинала.

3. Для достижения максимальной эквивалентности переводчику необходимо понимать разницу между системами двух языков и контекстами обеих культур.

Из вышесказанного мы приходим к выводу, что переводческий дискурс – это дискурс, связанный с осмыслением теоретических положений и эмпирических оснований такого сложного явления, как перевод.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Тюленев, С.В. Теория перевода / С.В. Тюленев. – М.: Гардарики, 2004. – 280 с.
2. Алексеева, И.С. Введение в переводоведение / И.С. Алексеева. – М.; СПб: Academia; Филологический факультет СПбГУ, 2004. – 326 с.
3. Нелюбин, Л.Л. Толковый переводоведческий словарь / Л.Л. Нелюбин. – 3-е изд., перераб. – М.: Флинта: Наука, 2003. – 658 с.
4. Казакова, Т.А. Метаязык переводоведения: термины и определения / Т.А. Казакова // Вестник СПбГУ. Сер. 9. Вып. 4. 2016. – С. 78–85.
5. Bassnett, S. Translation Studies / S. Bassnett. – L., New York: Routledge, 2005. – 274 p.
6. Галеева, Н.Л. Перевод в культуре: уточнение статуса и понятий / Н.Л. Галеева // Критика и семиотика, 2006. – № 9. – С. 24–35.
7. Переводческий дискурс: междисциплинарный подход: материалы III Междунар. науч.-практ. конф.: Симферополь, 25–27 апреля 2019 г.: гл. ред. М.В. Норец. – Симферополь: ИТ «АРИАЛ», 2019. – 492 с.

Коршикова Ю. А.

Университет гражданской защиты МЧС Беларуси (Минск)

СОВРЕМЕННЫЕ ПОДХОДЫ К ИЗУЧЕНИЮ ДИСКУРСА

Введение.

Дискурс как объект лингвистического изучения возник лишь в последней трети XX в. В настоящее время в лингвистике существуют многочисленные трактовки определения дискурса, о чем свидетельствуют работы как отечественных, так и зарубежных лингвистов.

Дискурс – (от франц. discours – речь) – связный текст в совокупности с экстралингвистическими, прагматическими, социокультурными, психологическими и другими факторами; текст, взятый в событийном аспекте; речь, рассматриваемая как целенаправленное социальное действие, как компонент, участвующий во взаимодействии людей и механизмах их сознания (когнитивных процессах) [1].

Понятие дискурса включает в себя обширный спектр характеристик как лингвистического, так и экстралингвистического свойства. Они позволяют рассматривать его как продукт речевого действия с определенной смысловой однородностью, контекстом, актуальностью, жанровой, идеологической принадлежностью и в тесной взаимосвязи с культурой, социальной общностью и историческим периодом.

В современной лингвистике вопросы изучения дискурса являются весьма актуальными и исследуются не только с позиции языкознания и литературоведения, но и логики, психологии, этнографии, семиотики, философии.

Предметом исследования являются современные подходы к изучению дискурса как лингвистического явления.

Результаты и обсуждение.

Современные подходы к изучению дискурса отражают его междисциплинарный статус и показывают широту использования этого понятия для описания разнообразных явлений, связанных с возникновением текста и коммуникацией в целом.

Большинство обзоров среди основных подходов к изучению дискурса (в широком смысле) и прагматики языка в целом выделяет следующие [2]:

- теория речевых актов (Дж. Остин, Дж. Р. Сёрль, Дж. М. Сейдок, П. Коул, Д. Вундерлих). Данная теория рассматривает коммуникацию через призму понятия социального речевого действия, его структуры и функции.

- логико-прагматическая теория коммуникации (Г. П. Грайс, Дж. Лич, Дж. Газдар, С. Левинсон, П. Браун). Данная теория делает упор на анализе логических структур и механизмов инференции (т.е. влияния одного языка на

другой), и получения выводного знания путем анализа речевого высказывания и контекста его произнесения.

- разговорный анализ (Г. Сакс, Э. Щеглов, Г. Джефферсон, Д. Циммерман, Дж. М. Аткинсон, Ч. Гудвин, Г. Хенне, Г. Ребок, К. Элих, Й. Ребайн). Представляет собой анализ эпизодов вербальной коммуникации в естественной ситуации. Объектом анализа в данном случае представляется не коммуникация как таковая, а связь между разговором и социальным контекстом.

- лингвистический анализ диалога (М. Даскал, Ф. Хундснуршер, Э. Вайганд, Г. Фриц, Л. Карлсон). Изучение диалогической речи представляет собой актуальное направление исследований в современной лингвистике, в рамках которого ведутся изыскания, имеющие своей целью решение важных теоретических и практических вопросов: описание структуры диалога, исследования синтаксических особенностей диалогической, описание коммуникативных ролей участников диалогового взаимодействия описание типов диалогических реакций, проблематика моделирования и функционально-лингвистического анализа диалога, изучение диалогических функций отдельных типов высказываний и типов диалогических реплик и многое другое.

- лингвистический дискурс-анализ (Бирмингемская школа: Дж. Синклер, М. Култхард, Д. Брэзил, Д. Гиббон). Дискурс-анализ исследует дискурс как речевое событие, неотделимое от коммуникативной ситуации, его породившей.

- лингвистика текста (В. Дресслер, Р. де Богранд, Т. ван Дейк, З. Шмидт) и грамматика дискурса (Р. Лонгейкр, Т. Гивон). Это направление лингвистических исследований, объектом которых являются правила построения связного текста и его смысловые категории, выражаемые по этим правилам.

- критический дискурс-анализ (Н. Фэйрклау, Р. Лаков, Р. Водак, Т. ван Дейк). Разновидность дискурс-анализа, в которой утверждается, что дискурс – лишь один из множества аспектов любой социальной практики. Критический дискурс-анализ включает в себя теории и методы эмпирического исследования взаимосвязи между дискурсом и совокупностью социальных отношений или практик.

- социолингвистический анализ вариативности (У. Лабов, С. М. Эрвин-Трипп). Данный способ анализа языковой вариативности позволяет понять, как социальные факторы влияют на языковые процессы и какие языковые конструкции наиболее употребительны в различных социальных ситуациях. Ключевыми методами и техниками социолингвистического анализа являются опрос говорящих и анализ языковых корпусов.

- интерактивная социолингвистика (Дж. Гамперц, Э. Гоффман). В данном разделе лингвистики используется дискурсивный анализ для изучения того, как пользователи языка создают смысл посредством социального взаимодействия.

- этнография коммуникации (Д. Хаймс, Дж. Гамперц, Дж. Филипсен). Этнографическая коммуникация исследует особенности дискурсивных практик в разных типах этносов.

- модели репрезентации дискурса в теории искусственного интеллекта (Р. Шенк, Р. Абельсон). В данной теории исследуются различные аспекты репрезентации искусственного интеллекта в социокультурном пространстве и его влияние на характер социального развития на уровне как личности, так и общества в целом.

- когнитивные и психолингвистические модели обработки и понимания дискурса (Т. А. ванДейк, В. Кинч). Данный раздел дискурсологии занимается изучением когнитивных (т.е. связанных со знанием и информацией) моделей порождения и изучения дискурса.

Некоторыми исследователями (напр. Таюповой О. И.) установлено, что наиболее продуктивными при изучении дискурса являются методы коммуникативно-прагматического, антропологического, функционально-стилистического и дискурсивного анализов, в основе которых лежит когнитивный подход к эмпирическому материалу. Именно благодаря когнитивному подходу, который является основой дискурсивного анализа, понятие дискурс позволяет интегрировать и объединить различные аспекты лингвистического анализа и рассмотреть тот или иной текст с разных позиций [3].

В центре внимания теории когнитивного подхода находятся процессы переработки человеком информации обо всем, что его окружает, на основе системы приобретенных знаний, что позволяет накапливать опыт, регулировать свое поведение и приобретать новые свойства личности.

Рассматривая современные подходы к изучению различных типов дискурса, нельзя не отметить антропоцентрическую парадигму как особый принцип научного исследования. Данный метод рассматривает изучение языка в аспекте его практического использования в жизни человека. Антропоцентричность исследований дискурса состоит в том, что изучение языковых процессов «проистекает в неразрывной связи с потребностями коммуникативной деятельности и предполагает учет человеческого фактора, когда субъект речи и ее реципиент включаются в описание языковых механизмов» [4].

Таким образом, дискурс имеет два плана. С одной стороны, дискурс ассоциируется с понятием речи, или точнее связной речи, потоком речи, сложным синтаксическим целым, сверхфразовым единством, текстом, коммуникативно-целостным и завершенным речевым произведением, а также характеризуется коммуникативной адекватностью. Данная сторона дискурса выражается в языковом инструментарии и проявляется в совокупности порожденных текстов [5].

Второй план дискурса затрагивает ментальные процессы участников коммуникации: этнические, психологические, социокультурные стереотипы и установки, а также стратегии понимания и порождения речи, определяющие при необходимости темп речи, степень ее связности, соотношение общего и конкретного, нового и уже известного, нетривиального (субъективного) и общепринятого, эксплицитного и имплицитного в содержании дискурса, выбор средств для достижения конечной цели коммуникации, фиксацию точки зрения говорящего и т. д. [5].

Выводы.

Таким образом, при выборе того или иного метода изучения дискурса, необходимо учитывать тот факт, что понятие «дискурс» имеет многочисленные трактовки и рассматривается как сложное языковое явление, включающее в себя такие компоненты, как текст и речь, в неразрывной связи с экстралингвистическими факторами, необходимыми для порождения высказывания и только применение совокупности научно обоснованных подходов к исследованию данного понятия может способствовать раскрытию и описанию его сущности.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Ярцева, В.Н. Лингвистический энциклопедический словарь / Научно-редакционный совет издательства «Советская энциклопедия», Институт языкознания АН СССР, гл. ред. В.Н.Ярцева, Москва, «Советская энциклопедия», 1990.
2. Макаров, М.Л. Основы теории дискурса / М.Л.Макаров, М.: ИТДГК «Гнозис», 2003 – 280 с.
3. Таюпова, О.И. Совокупность современных подходов к исследованию дискурса / О.И. Таюпова, Вестник Башкирского университета, 2016, №3.
4. Максимов, В.И. Стилистика и литературное редактирование / отв. ред. Максимов В.И, М.: Гардарики, 2007 – 656 с.
5. Темнова, Е.В. Современные подходы к изучению дискурса / Язык, сознание, коммуникация: Сб. статей / Отв. ред. В.В. Красных, А.И. Изотов, М.: МАКС Пресс, 2004, Вып. 26. – 168 с.

Луц Л. Н., Косякова А.

Университет гражданской защиты МЧС Беларуси (Минск)

**СМАРТФОН КАК ОДИН ИЗ КАНАЛОВ ТРАНСЛЯЦИИ МЕДИА
ДИСКУРСА**

В современном мире технологии набирают всё больший оборот. Общество старается быть более мобильным и вместо использования, как ранее, стационарных компьютеров или ноутбуков, иметь тот же функционал, но уже в своём маленьком переносном устройстве (смартфоне). Смартфон (с англ. smart – умный, интеллектуальный; phone – телефон) является портативным устройством с мобильной операционной системой, благодаря которой он может считаться миниатюрным компьютером. Такое устройство способно не только запускать и сохранять различные приложения, редактировать цифровой контент, документы, но и взаимодействовать с людьми различными способами. Использование смартфона в повседневном дискурсе сделало коммуникацию более удобной и быстрой, преобразив общение и переведя обмен информацией на новый уровень. С развитием смартфонов стало возможным формировать новые виды дискурса через социальные сети и мессенджеры, участвуя в обсуждениях и делая свой голос слышимым.

Ученые доказали, что при использовании смартфона вырабатывается дофамин – нейромедиатор, отвечающий за внимание и мотивацию эволюционно верных выборов, способствующих выживанию человека, а также за предвкушение удовольствия. Сам выброс гормона не приносит удовольствия, а только заставляет собраться и сосредоточиться (например, при возможности поесть, если человек голоден или перспективе общения для получения новой информации). Так, каждое обращение к смартфону несёт новую порцию дофамина, вызывая чувство эйфории и заставляя человека снова и снова повторять действия, которые стимулируют его выброс. Смартфон, как устройство не оказывает токсического влияния на организм, но регулярно поставляют дозы социального одобрения и постепенно разрушает нервную систему и травмирует психику.

Человек в сутки заглядывает в телефон примерно 97 раз, однако полагает, что не превышает эту цифру более 40 раз в день. А в работе психотерапевта Нэнси Коле утверждается, что 46% людей не могут жить без телефона [1]. Пользование мобильным устройством происходит произвольно и, как и любая другая вредная привычка, вызывает зависимость и привыкание. После выпуска новой игры «Pokemon Go» в 2015 году даже появилось новое понятие – «смартфонные зомби» или «смомби», которое определяет людей, ходящих по улицам, не отрываясь от смартфона.

Согласно посвящённому Беларуси разделу глобального обзорного отчёта «Цифровые технологии 2023» (Digital 2023: Global overview report) в республике насчитывается 4,27 миллиона пользователей социальных сетей, что эквивалентно 56% от общей численности совершеннолетнего населения. Декстопный трафик (объём информации, передаваемый через ПК, т.е. с любого немобильного компьютера) в 2023 году упал на 7% – с 57% до 50%. За два предыдущих года он уменьшился совокупно более чем на 30% в пользу мобильного трафика. А вот мобильный трафик в свою очередь за год вырос на 16% и составляет сегодня 49,13% (рис. 1).

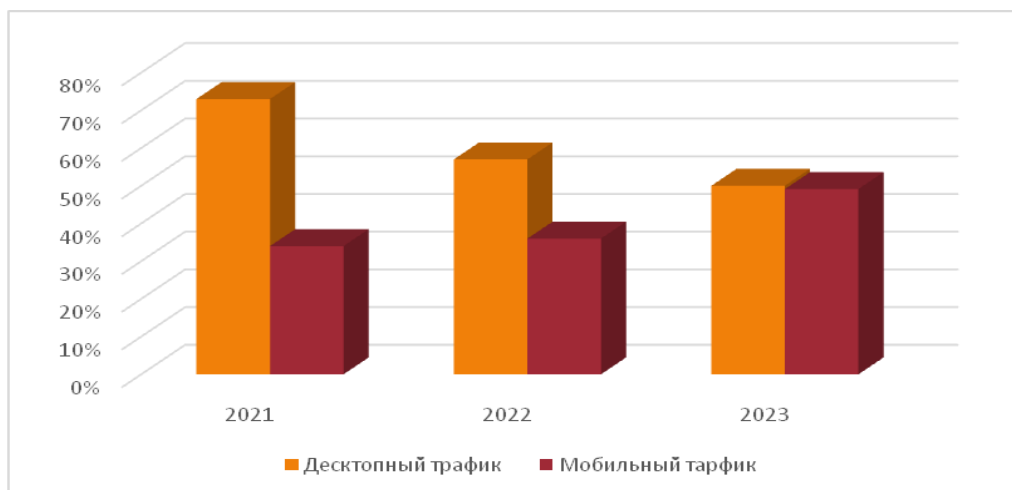

Рис. 1. – Динамика десктопного и мобильного трафика в РБ за 2021-2023 гг.

Так, мобильный трафик приближается к показателям десктопного и свидетельствует о увеличении времени, проведенного пользователями смартфонов в интернете [2].

Необходимо выделить социальные сети, которые пользуются наибольшей популярностью у пользователей смартфонов в Беларуси: TikTok – 4,27 млн пользователей (56,0% всех взрослых в возрасте 18 лет и старше); Instagram – 3,4 млн пользователей (35,7% от общей численности населения); Telegram – 2,4 млн пользователей (25,26% от общей численности населения); Facebook Messenger – 205,1 тыс (2,2% от общей численности населения); LinkedIn – 800 тысяч (8,4% от общей численности населения), Twitter – 230,9 тыс (2,8% от общей численности населения) (рис.2).

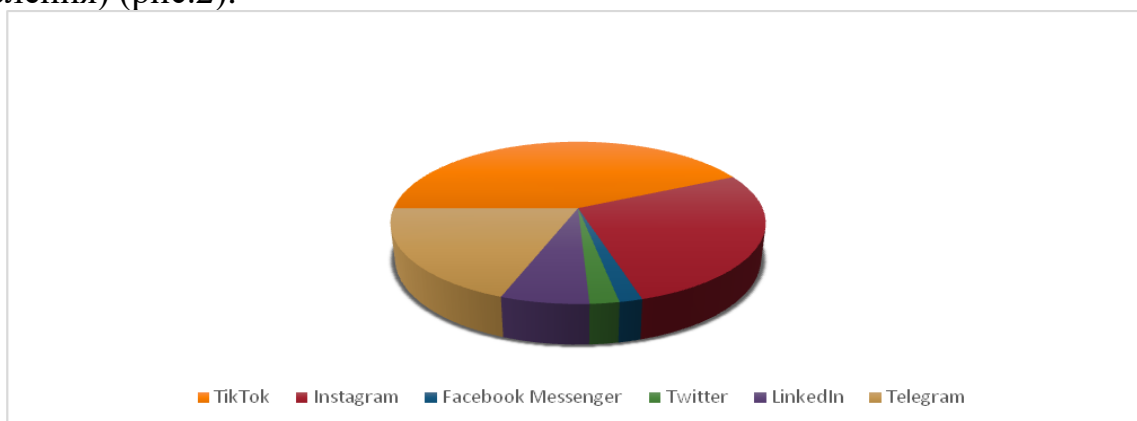

Рис. 2. – Количество пользователей социальных сетей в Республике Беларусь

По официальным данным, в Республике Беларусь только 3 % населения в возрасте от 6 до 72 лет не имеют мобильного телефона [3].

Смарт-зависимость охватывает различные области: виртуальные отношения (знакомства, общение, онлайн-дружба); информационная перегрузка (игры, чтение новостей, видео-контент); киберсекс-зависимость; нейромаркетинг и др. Ученые доказали, что длительное использование смартфона негативно влияет на психологическое здоровье: появление беспокойства и депрессии, увеличение стресса, появление синдрома дефицита

внимания, нарушение сна, уменьшение способности концентрироваться и глубоко мыслить. Так, самая распространенная жалоба (23,6%) – это бессонница. Согласно исследованиям, с каждым годом увеличивается количество людей с информационно-психологическими зависимостями и привычками: номофобией (страхом остаться без смартфона), с синдромом фаббинга (невозможность и неприемлемость отказа от смартфона во время общения, встречи) [4].

Таким образом, привязанность людей к смартфону крепко основана на нейромедиаторе – дофамине. Повсеместное использование смартфона и его доступность ежегодно увеличивает мобильный трафик, который в 2023 году достиг наивысшего показателя. Количество людей, использующих мобильный телефон постоянно увеличивается, а смарт-зависимость влияет не только на психологическое здоровье населения, но и может создать опасную ситуацию на улице как для самих пользователей, так и для окружающих.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Белокреницкая П.А., Балашова К.А. Феномен смартфоновых зомби (смомби) // Вестник науки и образования. – 2019. – №1–1 (55). [Электронный документ]. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/fenomen-smartfonovyh-zombi-smombi>. – Дата доступа: 20.10.23.

2. Статистика Digital 2023. [Электронный документ]. – Режим доступа: <https://thinktanks.by/publication/2023/04/19/digital-2023-predstavil-statistiku-sotssetey-v-belarusi.html>. – Дата доступа: 20.10.23.

3. Доступ населения в возрасте 6-72 лет к услугам сети Интернет [Электронный документ]. – Режим доступа: <https://www.minsk-city.belstat.gov.by/ofitsialnaya-statistika/mnogootraslevaya-statistika/informatsionno-kommunikatsionnye-tekhnologii/graficheskiy-material-grafiki-diagrammy/dostup-naseleniya-v-vozraste-6-72-let-k-uslugam-seti/>. – Дата доступа: 20.10.23.

4. Бердибаева С.К., Баймуратова А.А. Взаимосвязь зависимости молодежи от смартфонов и видов психоэмоциональных расстройств // Universum: психология и образование : электрон. научн. журн. – 2023. – 7(109). [Электронный документ]. – Режим доступа: <https://7universum.com/ru/psy/archive/item/15664>. Дата доступа: 20.10.23.

Никишова А. В., Кривоносова Е. В.

Белорусский государственный технологический университет (Минск)

К ВОПРОСУ ИНТЕРПРЕТАЦИИ ТЕРМИНОВ «ДИСКУРС» И «МЕДИАДИСКУРС»

Современная филология уделяет особое внимание процессам взаимодействия, осуществляемым в рамках языковой коммуникации. Одним из наиболее востребованных терминов исследования является термин «дискурс».

По мере развития информационно-коммуникационных технологий обсуждение интересующих тем достаточно часто переносится из формата

«живого» общения в медиaprостранство, в связи с чем, особую актуальность приобретает термин «медиадискурс». В лингвистической литературе представлены различные трактовки понятия «дискурс». Так, например, Н. Д. Арутюнова определяет дискурс как «связный текст в совокупности с экстралингвистическими, прагматическими, социокультурными, психологическими и другими факторами». Для нее дискурс – это не только текст, но и событийный аспект, рассматриваемый как целенаправленное социальное действие, компонент, участвующий во взаимодействии людей и механизмах их сознания, таких как когнитивные процессы [1, с. 136]. Согласно точке зрения П. Сериио, термин «дискурс» имеет восемь значений: 1) эквивалент понятия «речь» (по Ф. Соссюру), т.е. любое конкретное высказывание; 2) единицу, по размерам превосходящую фразу; 3) воздействие высказывания на его получателя с учетом ситуации высказывания; 4) беседу как основной тип высказывания; 5) речь с позиций говорящего в противоположность повествованию, которое не учитывает такой позиции; 6) употребление единиц языка, их речевая актуализация; 7) социально или идеологически ограниченный тип высказываний, например, феминистский дискурс; 8) теоретический конструкт, предназначенный для исследований условий производства текста [2, с. 141].

М. Стаббс выделяет три основные характеристики дискурса: 1) в формальном отношении это – единица языка, превосходящая по объему предложение; 2) в содержательном плане дискурс связан с использованием языка в социальном контексте; 3) по своей организации дискурс интерактивен, т. е. диалогичен. [3]. Суммируя различные определения лингвистов понятия дискурс, М. Л. Макаров показывает основные координаты, с помощью которых определяется дискурс: формальная, функциональная и ситуативная интерпретации. Формальная интерпретация – это понимание дискурса как образования выше уровня предложения. Функциональная интерпретация в самом широком понимании – это понимание дискурса как использования языка во всех его разновидностях. Ситуативная интерпретация дискурса – это учет социально, психологически и культурно значимых условий и обстоятельств общения [4, с. 72].

Медийный дискурс (массмедийный дискурс, медиадискурс, дискурс массмедиа или дискурс СМИ) является одной из частных систем дискурса. Под медиадискурсом понимают дискурс, ведущийся с помощью таких способов передачи и обмена информацией как Интернет, телевидение, телефония, радио, печатное слово и т.п. Медиадискурс являет собой широкое понятие, поскольку включает в себя, кроме сообщения и канала, такие характерные для медийного дискурса экстралингвистические факторы как получателя, обратную связь, культурообусловленные способы кодирования и декодирования, а также социально-исторический и политико-идеологический контексты.

Существуют различные определения «медийного дискурса». Так, Т. Г. Добросклонская под медиадискурсом понимает «совокупность процессов и продуктов речевой деятельности в сфере массовой коммуникации во всем богатстве и сложности их взаимодействия» [5, с. 127].

Е. А. Рудая подчеркивает тот факт, что «медийный дискурс представляет собой кластер различных типов взаимосвязанных, переплетающихся дискурсов, целью которого является создание идеологической платформы через внедрение интенционально создаваемых образов в массовое сознание» [6, с. 89].

Е. А. Кожемякин выделяет два важных аспекта специфики медийного дискурса. Согласно первому, «медиадискурс – это специфичный тип речемыслительной деятельности, характерный исключительно для информационного поля массмедиа». Такая трактовка предполагает существование также вместе с медиадискурсом и других систем дискурса, таких как, например, медицинский, юридический, политический и т.п. В соответствии со вторым аспектом, «медиадискурс» мыслится как любой вид дискурса, реализуемый в сфере массовой коммуникации, продуцируемый СМИ. Так, можно говорить о политическом, религиозном, педагогическом и прочих медиадискурсах, подразумевая, что для своей реализации указанные типы институционального дискурса предполагают наличие относительно устойчивого набора практик производства, трансляции и интерпретации массовой информации» [7, с. 16].

С точки зрения А. В. Полонского, основными распознаваемыми речемыслительными типами деятельности, реализующими цели медийного дискурса, являются: информировать (информационный/новостной дискурс); убеждать (публицистический дискурс); развлекать (развлекательный дискурс). [8, с. 115]. Следует обратить внимание на то, что медийный дискурс – это текст-однодневка, который создаётся для сегодняшнего дня, он всегда динамичен и современен. Повторное обращение к событию в целом не типично для медиадискурса, так как он направлен на трансляцию информации, имеющей признаки новизны и актуальности.

На наш взгляд, Н. И. Клушина представила наиболее логичную типологию медийного дискурса. Ее основу составляют две дискурсные категории – адресант и интенция. [8, с. 43]. Проанализировав критерии адресанта и интенции, мы можем разделить медийный дискурс на: информационный, публицистический, развлекательный, информационно-публицистический, информационно-развлекательный.

Изучая медийный дискурс, важно обращать внимание на то, что концепция дискурса традиционно отграничивается от понятия «текст», так как текст представляет собой результат коммуникативной деятельности, а также является одной из сторон дискурса наряду с речью. Дискурс близок по смыслу к понятиям «речь» и «текст», однако этот термин подчеркивает динамический характер языкового общения, которое непосредственно погружается в жизненную ситуацию.

Мы выделяем четыре основных типа текста в медийном дискурсе: **новостные, информационно-аналитические, публицистические и рекламные.** Каждый тип текста имеет свои характеристики и особенности на семантическом и языковом уровне. Представляется возможным утверждать, что, например, рекламный дискурс, направлен на формирование определенных

установок у аудитории, обеспечивающих выполнение требуемых действий, в то время как цель новостного дискурса – донести аудитории сведения о положении дел в конкретной ситуации. В этом смысле медийный дискурс, по мнению Е. А. Кожемякина, выполняет посредническую функцию: в нем происходит конвертация информации в смыслы (конструирование знания), перевод знания с одного уровня (например, институционального) на другой (например, обыденный), сращение информации различного типа (например, политической и развлекательной, событийной и рекламной) или же создание особого знания, имеющего отношение только к медийной действительности.

Исследователями определяются такие главные цели медийного дискурса как описание и интерпретация действительности, регулирование деятельности адресатов, воздействие на сознание адресатов, оценка действительности, прогнозирование положения дел. Следовательно, медиадискурс выполняет две функции одновременно: функцию сообщения и функцию воздействия.

Подытоживая выше изложенное, можно резюмировать, что в результате анализа теоретической литературы выявлены два вектора интерпретации дискурса в современной лингвистике. Понятие «дискурс» представлено исследователями либо в широком понимании, т. е. как коммуникативный процесс между говорящим и слушающим, приводящий к возникновению текста, либо в узком понимании, как текст или совокупность текстов одной тематики, т. е. как продукт коммуникативного процесса. Одним из главных отличий медийного дискурса является представление о способах передачи знания, т.е. предметом медийного дискурса являются не сами процессы, а пути их описания и трансляции знания о них.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Арутюнова, Н. Д. Дискурс// БЭС. Языкознание. М., 2000. – 682 с.
2. Серио, П. Квадратура смысла. Французская школа анализа дискурса. – М.: Прогресс, 1999. – 416 с.
3. Stubbs M. Discourse analysis: the sociolinguistic analysis of natural language. Chicago: University of Chicago Press, 1983. – 279 p.
4. Макаров, М. Л. Интерпретативный анализ дискурса в малой группе. – Тверь: Изд-во ТвГУ, 1998. – 200 с.
5. Добросклонская, Т. Г. Вопросы изучения медиатекстов: опыт исследования современной английской медиаречи. – М.: Эдиториал УРСС, 2013. – 272 с.
6. Рудая, Е. А. Функциональная семантика английских имен прилагательных в тексте англоязычного политического комментария (на материале современной американской прессы). – М., 2010. – 187 л.
7. Кожемякин, Е. А. Массовая коммуникация и медиадискурс: к методологии исследования // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия Гуманитарные науки. – № 12. – Белгород: Изд-во БелГУ, 2010. – С. 13-21.

8. Полонский, А. В. Современный медиадискурс: ключевые идеи и слова//Русский язык в современном медиaprостранстве:Сб. научных трудов. – Белгород: Политерра, 2009. – С. 151-160.

9. Клушина, Н. И. Интенциональная конфигурация медийного пространства // Политическая лингвистика. – №2 (44). – Екатеринбург: Уральский государственный педагогический университет, 2013. – С. 40–45.

Панова Т. А.

Университет гражданской защиты МЧС Беларуси (Минск)

ЧРЕЗВЫЧАЙНЫЕ СИТУАЦИИ ЭКОЛОГИЧЕСКОГО ХАРАКТЕРА С ЛИНГВИСТИЧЕСКОЙ ТОЧКИ ЗРЕНИЯ

В современном обществе не уделяют должного внимания чрезвычайным ситуациям экологического характера, оказывающим большое влияние на жизнедеятельность человека и всего окружающего мира.

Чрезвычайная ситуация экологического характера – это обстановка на определённой территории, возникшая в результате аварии, катастрофы или стихийного бедствия, требующая в целях защиты жизни и здоровья граждан, а также защиты окружающей среды обязательного принятия экстренных мер для устранения такой ситуации. Как правило, она приводит к неблагоприятным последствиям, представляющим непосредственную угрозу жизни и здоровью людей, объектам экономики и элементам окружающей среды на ограниченной территории [1].

Экологическая ситуация в последние годы резко обострилась во многих странах земного шара из-за существенных антропогенных изменений в природе. К экологическим бедствиям относятся аномальные изменения природной среды: загрязнение биосферы, разрушение озонового слоя, опустынивание, кислотные дожди и т.д. Практически все государства мира и ряд международных организаций ищут все более эффективные пути и способы регулирования и управления в сфере предупреждения и ликвидации чрезвычайных ситуаций экологического характера, смягчения последствий бедствий, выявления и минимизации экологических рисков для природной среды и здоровья населения. Ключевую роль в данном процессе играет профессиональная коммуникация, основанная на стандартизированной лексике чрезвычайной ситуации экологического характера.

Понятие «чрезвычайная ситуация экологического характера» весьма многолико. Ведь экологическая катастрофа может быть как результатом стихийного бедствия, так и последствием техногенной катастрофы. К ней можно отнести практически все природные, техногенные, а также биологические чрезвычайные ситуации.

Природные катастрофы могут вызывать множество экологических проблем. Извержение вулкана, например, загрязняет воздух, вызывает пожары,

уничтожает все живое вокруг и грозит серьезными разрушениями. Сильная засуха приводит к опустыниванию земель, вследствие чего на данной территории гибнет растительный и животный мир. Любой пожар ведет к масштабным последствиям: гибели птиц и животных, изменению химического состава почвы, превращению плодородных земель в пустыню. Любое крупное стихийное бедствие затрагивает множество экологических ниш сразу. Ведь в природе все процессы взаимосвязаны. Поэтому к чрезвычайным ситуациям экологического характера мы можем отнести лесные пожары, извержение вулканов, наводнения, засуху, циклоны, землетрясения, оползни. Все эти явления происходят во всем мире и последствия от них становятся все более серьезными [2].

Техногенные катастрофы, вызванные непосредственно человеком, также являются причиной экологических ЧС. Выбросы химических веществ и нефтяные разливы являются наиболее опасными по экологическим последствиям. Аварии на транспорте, в угольной, газоперерабатывающей промышленности, металлургии, микробиологической отраслях промышленности приводят к появлению экологических бедствий и возникновению чрезвычайных ситуаций экологического характера. Загрязнение окружающей среды различными радиоактивными отходами также становится серьезной глобальной экологической проблемой.

Биологические загрязнения в основном появляются вследствие размножения микроорганизмов и антропогенной деятельности, такой как теплоэнергетика, промышленность, транспорт, действия вооруженных сил и другие.

В настоящее время, когда население многих стран сталкивается с различными чрезвычайными ситуациями и проблема экологической катастрофы становится наиболее острой, анализ данной проблематики с лингвистической точки зрения приобретает особое значение [3]. Изучение лингвистической составляющей понятия «чрезвычайная ситуация экологического характера» актуально прежде всего при изучении иностранных языков. Отбор языковых единиц, связанных с различными конкретными проявлениями чрезвычайных ситуаций, введение их в активный словарный запас будущих специалистов позволит обеспечить полноценное речевое общение профессионалов в случае экстренных обстоятельств.

Наиболее наглядно и структурировано представить понятие «чрезвычайная ситуация экологического характера» можно с позиции полевой теории. Лексико-семантическое поле мы понимаем как «совокупность языковых единиц, объединенных общностью содержания и отражающих понятийное, предметное или функциональное сходство обозначаемых явлений». Компоненты микрополей находятся в постоянном взаимодействии между собой и компонентами смежных полевых структур. Благодаря размытости полевых границ, элементы поля могут переходить на периферию смежных полей и полевых структур, а также в их ядерную зону [4]. В соответствии с этим лексико-

семантическое поле «чрезвычайная ситуация экологического характера» может быть представлено как средство вербализации различных типов чрезвычайной ситуации, это поможет систематизировать лексические единицы в пределах полевой структуры и позволит определить структурные связи между компонентами поля. Ядром поля будет являться сама «чрезвычайная ситуация экологического характера», далее можно выделить следующие микрополя: микрополе «природная катастрофа», микрополе «техногенная катастрофа», микрополе «биологическая катастрофа». Микрополя в свою очередь логично разделить еще на более узкие лексико-семантические группы, например, «наводнение», «засуха», «лесные пожары», «оползни», «извержение вулкана», «транспортные аварии», «аварии с выбросом химических веществ», «ядерные аварии», «гидродинамические аварии» и т.д.

При анализе ключевого смысла отобранных лексических единиц по теме «чрезвычайные ситуации экологического характера» часть лексем (*бедствие, катастрофа, причина*, например) будет размещаться в ядерной зоне, так как они относятся практически ко всем чрезвычайным ситуациям. А такие лексемы как *ущерб, жертва, аварийность* будут находиться на периферии смежных полей.

Полевой подход к исследованию языковых единиц, связанных с чрезвычайными ситуациями экологического характера, позволит структурировать лексические единицы, выявить среди них центральные и периферийные элементы, универсальные и специфические средства родного и неродного языков, что поможет смоделировать в сознании будущего специалиста профессиональную картину мира.

Сфера экологических катастроф и ее лексическое выражение не представлены в настоящее время в специализированных лексикографических изданиях, которые отражали бы этапы формирования и развития области чрезвычайных ситуаций экологического характера через лексическую систему. Полученные в ходе нашего исследования результаты будут полезны при создании специализированных лексикографических изданий, разработке теоретических курсов и учебных пособий в области чрезвычайных ситуаций экологического характера, в практике преподавания русского языка как иностранного, при создании интерактивных игр для детей и социальной рекламы, при совершенствовании алгоритмов машинного обучения информационных систем реагирования на чрезвычайную ситуацию с использованием искусственного интеллекта.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Национальный Интернет-портал Министерства Российской Федерации по делам гражданской обороны, чрезвычайным ситуациям и ликвидации последствий стихийных бедствий [Электронный ресурс]. Режим доступа <https://mchs.gov.ru/>. Дата доступа: 10.02.2024.
2. Сергеев, Д.В. Экологические катастрофы и ЧС / Д.В. Сергеев. – М., 2005.
3. Самородин, Г.В. К вопросу о ключевых понятиях лексико-семантического поля «чрезвычайная ситуация» в дискурсе СМИ Германии //

Проблемы и перспективы развития современной гуманитаристики: лингвистика, методика преподавания, культурология. 2020. – М.: МГОУ, С. 145-151.

4. Бондарко, А.В. Проблемы функциональной грамматики: полевые структуры / Рос. акад. наук, Ин-т лингвист. исслед, А. В. Бондарко [и др.]; редкол.: А. В. Бондарко [и др.]. – СПб: Наука, 2005. – 477 с.

5. Щур, Г.С. Теория поля в лингвистике / Г.С. Щур. – М.: Наука, 1974. – 256 с.

Ромашевич Т. М.

Университет гражданской защиты МЧС Беларуси (Минск)

ДИСКУРС ЧРЕЗВЫЧАЙНЫХ СИТУАЦИЙ В АСПЕКТЕ КОММУНИКАЦИИ

Мир сталкивается со все более высокими уровнями рисков, имеющими последствия как для нынешнего, так и будущих поколений. В докладе Управления ООН по снижению риска бедствий отмечается, что за последние 20 лет произошло 7348 стихийных бедствий, в результате которых погибло приблизительно 1,23 миллиона человек. Это почти в два раза больше, чем за аналогичный предыдущий период. С 1980 по 1999 было зарегистрировано 4212 стихийных бедствий. [1] Решение проблем предупреждения и ликвидации чрезвычайных ситуаций (ЧС) является одним из приоритетных направлений работы и требует объединения усилий специалистов из разных стран. В этой связи особую важность приобретает решение задач по обмену научно-техническими знаниями и обеспечению эффективности общения непосредственно на месте проведения работ как с коллегами-спасателями и волонтерами, так и с пострадавшими. В таких условиях дискурс ЧС динамично развивается и привлекает внимание ученых различных отраслей знаний, в том числе лингвистов.

Дискурс ЧС является институциональным дискурсом, в котором коммуниканты действуют, исполняя определенные роли. Т. А. ван Дейк отмечает, что общение в рамках сложившихся в обществе институтов является взаимодействием, порождаемым самой деятельностью того или иного социального института. [2, с. 19] Согласно определению В. И. Карасика, институциональным дискурсом называется специализированная клишированная разновидность общения между людьми, которые могут не знать друг друга лично, но должны общаться в соответствии с нормами данного социума. [3, с. 343]

Дискурс ЧС как один из типов институционального дискурса представлен профессиональной устной и письменной коммуникацией, осуществляемой на всех этапах деятельности органов и подразделений по чрезвычайным ситуациям. Необходимо отметить, что рассматриваемый тип дискурса является сложным и многомерным явлением, который определяется прагматическими,

социокультурными, психологическими и другими факторами, а также целью и обстоятельствами коммуникации, адресатом и адресантом коммуникации.

Цели коммуникации в дискурсе ЧС определяются целями и задачами деятельности по подготовке к ЧС, их предупреждению и ликвидации, а также по обучению населения и организации деятельности структур реагирования на ЧС.

Исследование дискурса с коммуникативной точки зрения базируется на анализе коммуникативных обстоятельств как смыслообразующего компонента текста. Для их изучения выделяют следующие категории:

- участники общения (статусно-ролевые и ситуативно-коммуникативные характеристики),
- условия общения (пресуппозиции, сфера общения, хронотоп, коммуникативная среда),
- организация общения (мотивы, цели и стратегии, развертывание и членение, контроль общения и вариативность коммуникативных средств),
- способы общения (канал и режим, тональность, стиль и жанр общения).

[3, с. 330]

Основными участниками коммуникации являются представители организаций, работающих в сфере обеспечения безопасности жизнедеятельности и люди, обратившиеся к ним или выступающие «объектом» спасения. К первой группе относятся не только спасатели, пожарные, медики, диспетчеры, т.е. профессионалы, но и волонтеры, члены различных добровольных организаций. Ко второй группе участников относятся сами пострадавшие, их родственники, свидетели происшествий, журналисты. Соответственно, коммуникация в рамках дискурса ЧС может быть условно разделена на внутреннюю и внешнюю. Внутренняя коммуникация иерархична и, чаще всего, формальна. Широко используются аббревиатуры, сленговые слова и выражения. Различия в статусе, а также в уровне компетенций в сфере обеспечения безопасности жизнедеятельности обуславливают асимметричность взаимодействия участников коммуникации.

Условия коммуникации могут варьироваться в достаточно широких пределах в зависимости от этапа деятельности (ликвидация ЧС и ее последствий, предотвращение ЧС, планирование и обеспечение готовности к ЧС). Так, например, коммуникация в повседневной жизни на этапе предотвращения ЧС может происходить в учебном классе в виде лекции с участием специалиста по пропаганде безопасности жизнедеятельности. В условиях реальной ЧС коммуникация может происходить непосредственно на месте происшествия с участием спасателей и пожарных. При этом порядок действий и коммуникации органов и подразделений по чрезвычайным ситуациям строго регламентирован. Общение между диспетчером и пострадавшим, форма оповещения, формулировка приказов должна соответствовать внутренним документам организации и заранее разработанным алгоритмам действий.

Организация общения также определяется режимом работы организации. В качестве главного приоритета рассматривается спасение человеческой жизни. Но в условиях реальной ЧС доминирующей целью взаимодействия является

ликвидация ЧС и ее последствий, а в условиях повседневной деятельности – планирование деятельности, разработка оптимальных алгоритмов действий, обмен опытом, обучение, проверка готовности и т.д. Доминирующей стратегией поведения является стратегия сотрудничества.

Способы общения непосредственно на месте происшествия можно разделить на прямые контакты (между профессионалами, между профессионалами и непрофессионалами, между непрофессионалами) и опосредованные (телефонные сообщения, сообщения по рации и т.п.). В условиях повседневной жизни в дискурсе ЧС представлен весь спектр способов общения устной и письменной коммуникации.

Дискурс ЧС реализуется в устных и письменных жанрах, видоизменяясь в зависимости от обстоятельств и целей коммуникации. Устная коммуникация представлена такими диалогическими, монологическими, полилогическими формами как выступление, заявление, доклад, приказ, лекция, совещание, собрание, пресс-конференция и др. Основными формами письменной коммуникации являются постановления, отчеты, приказы, инструкции, статьи и др.

Лингвистический аспект дискурса ЧС представляет собой широкое поле для исследования. Разнообразие задач, которые ставит перед собой организация, работающая в сфере безопасности жизнедеятельности, предполагает не меньшее разнообразие языковых средств для их достижения. Кроме того, на выбор языковых средств оказывает влияние целевая аудитория. Например, в инструкции в основном используется повелительное наклонение и форма обращения «Вы – Sie».

«Подойдите к пострадавшему человеку, посмотрите, находится ли он в сознании, проверьте пульс и дыхание. ... Если машина горит, то вытаскивать пострадавших нужно, только если Вы уверены, что справитесь с этим.» [4]

«Prüfen Sie zunächst, ob Ihre Vorsorgemaßnahmen ausreichen. Überprüfen Sie Rückstauklappen im Keller bevor das Wasser gestiegen ist. Halten Sie sich während des Hochwassers nicht im Keller auf, das ist lebensgefährlich.» [5]

Если речь идет о материале с таким же содержанием для детей, используется обращение на «ты – du», построение предложений упрощается, активно используются эмоционально окрашенные слова и выражения, довольно часто вводятся игровые персонажи (например, мальчик Мах и его собака Floske, зайчонок Филька и лисичка Лилька).

«Вызови спасателей по телефону 101 и 112, защити рот и нос мокрой повязкой.» [6]

«Hast du schon mal ein Lagerfeuer gemacht? Damit dieses Feuer brennt, braucht es drei Dinge. ... Überlasse das Löschen den Profis, die sind durch ihre spezielle Ausrüstung gut vor Flammen und Rauch geschützt.» [7]

Изучение разных аспектов языка в дискурсе чрезвычайных ситуаций и их сопоставление с экстралингвистическими факторами представляет несомненный интерес и позволяет увеличить эффективность мероприятий в сфере безопасности жизнедеятельности.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. The human cost of disasters: an overview of the last 20 years (2000-2019) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.undrr.org/publication/human-cost-disasters-overview-last-20-years-2000-2019>. – Дата доступа: 28.02.2024.
2. Дейк, Т. А. ван Дискурс и власть: репрезентация доминирования в языке и коммуникации / Т. А. ван Дейк. – Москва : URSS Либроком, 2013. – 340 с.
3. Карасик, В. И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс / В. И. Карасик. – Москва : Гнозис, 2004. – 389 с.
4. Что делать, если Вы стали свидетелем ДТП? [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://minobl.mchs.gov.by/novosti/309048/> – Дата доступа: 28.02.2024.
5. Was tun bei Hochwasser? [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.bbk.bund.de/DE/Warnung-Vorsorge/Tipps-notsituationen/Hochwasser/_documents/hochwasser-verhalten_dossier2.html?nn=20590. – Дата доступа: 28.02.2024.
6. Что делать, если ... [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://mchs.gov.by/multimediyne-materialy-obzh/mchs-roditelyam-i-pedagogam/broshyury-knigi/?clear_cache=Y – Дата доступа: 28.02.2024.
7. Was ist Feuer und wie entsteht es? Für Kinder erklärt. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.familie.de/artikel/was-ist-feuer-eigentlich-und-wie-entsteht-es--q47q8wh28g> – Дата доступа: 28.02.2024.

Селицкая Е. Ю.

**Филиал «Институт профессионального образования» Университета
гражданской защиты МЧС Беларуси (Гомель)**

ДИСКУРС ЧРЕЗВЫЧАЙНЫХ СИТУАЦИЙ КАК ОДИН ИЗ ТИПОВ ДИСКУРСА

Эффективность коммуникации в современном мире, подверженном угрозам стихийных бедствий, техногенных катастроф и межнациональных и религиозных конфликтов обуславливает особую актуальность изучения дискурса чрезвычайных ситуаций как теоретической и практической базы для языковой подготовки специалистов в сфере оказания помощи и управления в чрезвычайных ситуациях, обмена научно-технической информацией, обеспечения правильности восприятия информации населением, соблюдении интересов государства в сфере международных отношений, общения непосредственно на месте проведения поисково-спасательных работ.

В современной науке о языке понятие «дискурс» сегодня является одним из самых употребительных и самых неоднозначных. «Дискурсом», в

зависимости от аспекта употребления, называют «использование языка», «форму коммуникации», «форму социального взаимодействия», «речевой акт», «текст», «разговор» и т. д. Несмотря на то, что слова «дискурс», «дискурсивный», «дискурсивный», «дискурс-анализ» в изобилии встречаются в научных публикациях, однозначного термина «дискурс», охватывающего все аспекты его употребления, найти не удастся.

Т. И. Бельская объясняет такое положение дел тем, что дискурс – это область междисциплинарных исследований. Описывая различные виды дискурса, исследуя их системно-структурные, когнитивные, прагматические свойства, ученые осознали факт наличия в них строгой организации, основанной на определенных системообразующих категориях и свойствах. Специалисты каждой отдельной области выделяют значимые для этой области характеристики [1, с. 20]. Так, структурно-лингвистическое описание дискурса направлено на выделение и изучение собственно текстовых особенностей общения: содержательная и формальная связность, способы переключения темы, модальные ограничители, общение одновременно на нескольких уровнях глубины текста.

Лингвостилистический анализ дискурса направлен на выделение регистров общения, разграничение жанров устной и письменной речи, определение характеристик функциональных стилей.

Лингвокультурология старается определить специфику общения в рамках разных языковых культур, охарактеризовать культурные доминанты, выделить модели этикета и речевого поведения в соответствующей языковой культуре.

Когнитивная лингвистика изучает дискурс как сумму схем и моделей репрезентации общения в сознании, отображающих картину мира.

Социолингвистический подход к исследованию дискурса предполагает анализ участников общения как представителей той или иной социальной группы и анализ обстоятельств общения в широком социокультурном контексте.

Многие современные русскоязычные научные исследования дискурса опираются на типологию, предложенную В.И.Карасиком, в основу которой положено противопоставление личностно- и статусно- ориентированных типов. Здесь можно выделить два основных типа дискурса: персональный (личностно-ориентированный) и институциональный, где говорящий выступает как представитель определенного социального института. «Формат дискурса» определяют на основе коммуникативной дистанции, степени самовыражения говорящего, сложившихся институтов, регистра общения и клишированных языковых средств. [3, с. 293-294]. Для описания конкретного типа институционального дискурса предлагается рассматривать его следующие компоненты: 1) участники, 2) хронотоп, 3) цели, 4) ценности (в том числе и ключевой концепт), 5) стратегии, 6) тематика, 7) разновидности и жанры, 8) прецедентные тексты, 9) дискурсивные формулы.

В тоже время Е. И. Шейгал, рассуждая о полевой жанровой организации любого дискурса, призывает выделять основные для данного типа дискурса жанры и периферийные, имеющие двойственную природу и находящиеся на

стыке разных типов дискурса. По её мнению, жанры, т.е языковое оформление типичных ситуаций социально-речевого взаимодействия людей, можно дифференцировать: по параметру институциональности / официальности; по субъектно-адресатным отношениям; по вариантам социолектов; по событийной локализации; по степени центральности или маргинальности того или иного жанра в поле дискурса; по характеру ведущей интенции [3, с.327].

Некоторыми учеными предлагаются и разноуровневые классификации, например, типология по жанровым характеристикам внутри институционального дискурса В.И. Карасика, типология по жанрам и стилям К.А.Филиппова [4, с. 183-185].

Исходя из размытости понятия дискурса, многочисленные отечественные и зарубежные ученые предлагают свои типологии, основанные на различных критериях. Здесь интересен подход А.А. Карамовой [5, с.362-364], которая приводит не менее двадцати двух видов классификаций, отмечая, что формулировки классификаций пересекаются, могут рассматривать одно и то же лингвистическое явление с разных точек зрения, одним и тем же типам дискурса присваиваются разные названия. Автор предлагает свой вариант типологии дискурса, который мы находим достаточно полным:

1. По теме, обусловленной сферой коммуникативной деятельности.

2. По жанровому критерию:

а) по коммуникативной направленности: информативные, этикетные, императивные, оценочные жанры; б) по форме передачи информации: письменные, устные жанры; в) по внешней форме: монолог, диалог; г) по месту в полевой структуре: прототипные, маргинальные жанры; д) по способу выражения: вербальные, паралингвистически осложненные жанры.

3. По характеру субъекта: институциональный дискурс, личностный дискурс.

4. По временному плану.

5. По национально-культурному параметру: русский дискурс, американский дискурс и т. д.

Языковые исследования в сфере дискурса вступают в новый этап в связи с появлением новой отрасли, лингвистики чрезвычайных ситуаций (*emergency linguistics*), термин, предложенный профессором Пекинского университета Ли Юймин в 2020 году. Китайские коллеги, основываясь на опыте борьбы с COVID-19, показали, как лингвисты и преподаватели иностранных языков вносят свой вклад в процессы реагирования на чрезвычайные ситуации [6].

Необходимо отметить, что научные изыскания, направленные на изучение дискурсов близких по тематике к дискурсу чрезвычайных ситуаций, проводились и ранее, так, Е. В. Пильгун проанализировала семантику и прагматику кризисного дискурса [7].

Процесс управления чрезвычайной ситуацией является особым типом языковой ситуации. Е. В. Уютова указывает, что специфика дискурса чрезвычайных ситуаций определяется прежде всего тем, что данная сфера очень обширна и охватывает множество смежных отраслей, таких как медицина

катастроф, связь, радиообмен, инженерия, метеорология, техносферная безопасность, военное управление, менеджмент и др. Участники дискурса чрезвычайных ситуаций определяются условиями взаимодействия. Например, в реальных условиях участниками могут быть спасатели, медики, операторы экстренной связи, психологи, пострадавшие, их родственники, свидетели происшествия и т.д. В условиях повседневной жизни участниками дискурса становятся специалисты в области управления чрезвычайной ситуацией, осуществляющие подготовку к ликвидации, обучающиеся и обучающие профессиям в сфере чрезвычайных ситуаций и т.д. [8. с. 72].

Дискурс чрезвычайных ситуаций — это сложный и многомерный институциональный дискурс, представленный профессиональной коммуникацией (устной и письменной), осуществляемой между всеми участниками чрезвычайной ситуации с целью эффективного речевого взаимодействия в ходе чрезвычайных ситуаций. Вслед за Е.В. Пильгун мы считаем, что дискурс чрезвычайных ситуаций необходимо рассматривать как совокупность дискурсивных практик, описывающих и сопровождающих чрезвычайные ситуации на разных этапах их преодоления, поэтому исследование дискурса чрезвычайных ситуаций предполагает анализ языкового материала с учетом пространственно-временных условий его существования, а также характеристик его участников [7, с. 21-23].

Дискурс чрезвычайных ситуаций связан с такими жанрами дискурса, как административный, юридический, военный, педагогический, медицинский, деловой, спортивный, научный, массово-информационный и другими видами институционального дискурса.

Данный тип дискурса имеет своей целью эффективное речевое взаимодействие между участниками реальной чрезвычайной ситуации на всех ее этапах, а также между участниками мероприятий по организации управления (планирование, устранение последствий, предотвращение, обеспечение готовности к чрезвычайной ситуации и т.д.). Таким образом, главное основание типологии – тема, обусловленная сферой коммуникативной деятельности [8. с. 72-73].

В зависимости от цели и места коммуникации может перенимать некоторые черты других жанров. Необходимо учесть и то, что в настоящее время под влиянием средств массовой информации и особенно социальных сетей наблюдается изменение жанров дискурса, при котором стираются границы бытового и институционального общения. Соответственно, тип и целевое содержание высказывания будут находиться во взаимосвязи и зависеть от типа деятельности, отражаемой коммуникативными действиями.

Проблема жанрового разграничения дискурса чрезвычайных ситуаций остается в центре внимания исследователей, что определяется многомерностью дискурса и его лингвистических особенностей.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бельская, Т. И. Еще раз об определении дискурса / Т. И. Бельская // Альманах современной науки и образования Тамбов: Грамота. –2009. – № 8 (27): в 2-х ч. Ч. II. С. 20-23.
2. Карасик, В.И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс / В.И. Карасик. – Волгоград : Перемена, 2002. – 477 с.
3. Шейгал, Е.И. Семиотика политического дискурса: дис. ... д-ра филол. наук : 2001. 02. 010 / Е. И. Шейгал, Ин-т языкознания РАН; Волгогр. Гос. Пед. Ун-т. – Волгоград: Перемена, 2000. – 368 с.
4. Филиппов, К. А. Лингвистика текста / К. А. Филиппов. –СПб.: СПб ун-т, 2003. – 336 с.
5. Карамова А. А. Типологический аспект дискурса / А. А. Карамова // Культура и цивилизация. – 2017. – Т. 7, № 1А. – С. 361-370.
6. Li Y. Language Lessons of COVID-19 and Linguistic Disaster Preparedness. 2020. [Electronic resource] – Mode of access: <https://www.languageonthemove.com/language-lessons-of-covid-19-and-linguistic-disaster-preparedness> – Date of access: 10.02.2024.
7. Пильгун, Е.В. Семантика и прагматика кризисного дискурса: автореферат дис. ... кандидата филол. наук.: 10.02.19 / Е.В. Пильгун; Минский государственный лингвистический университет. – Минск, 2019. – 27 с.
- 8 Уютова, Е. В. Аббревиатурная терминология иноязычного дискурса сферы ЧС в контрастивном аспекте (английский и немецкий языки) / Уютова Е. В., Вецпер Н. Н., Казакова С. А. // Филологические науки. Вопросы теории и практики – 2022. – Т.15. Выпуск 2. – С. 524-531.
9. Уютова, Е. В. Структурно-семантические особенности терминологии международного англоязычного дискурса чрезвычайных ситуаций / Уютова Е. В., Поминова А. М. // Социальные и гуманитарные науки на Дальнем Востоке – 2022. – Т. XIX, Вып. 1. – С. 70–78.

Сидорейко И. В.

**Филиал «Институт профессионального образования» Университета
гражданской защиты МЧС Беларуси (Гомель)**

ПРОФЕССИОНАЛЬНЫЕ КОДЫ В ДИСКУРСЕ ЧРЕЗВЫЧАЙНЫХ СИТУАЦИЙ

Профессиональные коды в деятельности спасателей-пожарных возникают в силу специфики коммуникации людей, связанных одним родом деятельности. Профессиональный жаргон, как правило, понятен только в узком кругу. Кроме специфических слов, жаргонизмов, значительную часть профессиональных кодов составляют сокращенные слова.

В данной работе будет рассмотрен феномен аббревиации в профессиональном языке спасателей-пожарных на примере сравнения сокращений в трех языках: русском, английском и немецком.

Современный язык имеет тенденцию к **аббревиации**, т.е. к сокращению слов, обусловленную стремительным развитием общества, в частности, развитием науки и техники, ростом информационных потоков. Язык стремится к коммуникационной эффективности, т.е. к возможности передать в единицу времени как можно больше информации.

В профессиональной коммуникации спасателей-пожарных эта тенденция сохраняется и усиливается, потому что коммуникация в условиях чрезвычайных ситуациях стремится к максимальной эффективности.

В связи с тем, что многие понятия, термины, названия должностей, реалий, единиц техники из лексикона спасателей-пожарных часто состоят из нескольких слов возникают предпосылки их аббревиации.

Наиболее распространенным способом сокращения профессиональных терминов является **буквенная аббревиация**, при которой новое слово, **аббревиатура**, возникает из названий начальных букв каждого слова словосочетания [1].

Ниже приведен список наиболее часто употребляемых буквенных аббревиатур в русскоязычной коммуникации спасателей-пожарных:

АСВ - аппарат на сжатом воздухе;

АСР - аварийно-спасательные работы;

АЦ – автоцистерна;

ГСЧС - Государственная система предупреждения и ликвидации чрезвычайных ситуаций

ГО – гражданская оборона;

ГФГО – гражданское формирования гражданской обороны;

ГДЗС – газодымозащитная служба;

РТП – руководитель тушения пожара;

ЧС – чрезвычайная ситуация [2].

Интересным явлением с точки зрения филологии представляет собой продолжение буквенной аббревиации в виде добавления суффикса. Например, часто спасатели-пожарные называют автоцистерну не АЦ, а АЦ-шкой.

Изучение англоязычных источников по теме показывает, что в англоязычном дискурсе чрезвычайных ситуаций также часто используются буквенные аббревиатуры. Наиболее распространёнными из них являются следующие:

FF – Firefighter (пожарный);

FD - Fire department (пожарная часть);

IAP - Incident action plan (план действий в случае аварии);

EMS - Emergency medical services (службы экстренной медицины);

PPE - Personal protective equipment (средства индивидуальной защиты (СИЗ));

PTSD - Post-traumatic stress disorder (посттравматическое стрессовое расстройство (ПТСР))

SAR - Search and rescue (поисково-спасательный) [5].

Анализ немецкоязычных источников, по мнению автора, показывает, что в немецкоязычном дискурсе чрезвычайных ситуаций буквенные аббревиатуры используются даже чаще, чем в русском и английском языках.

При этом чаще всего буквенные аббревиатуры используются для сокращения названия должностей и структурных подразделений немецкой пожарной охраны. Ниже приведены примеры данных сокращений:

AT – Angriffstrupp (отделение ликвидации чрезвычайных ситуаций);

ATF – Angriffstruppführer (командир отделения ликвидации чрезвычайных ситуаций);

ATM – Angriffstruppmann (член отделения ликвидации чрезвычайных ситуаций);

BFV – Bezirksfeuerwehrverband (объединение пожарных команд административного округа);

BI – Brandinspektor (инспектор пожарной охраны);

BM – Brandmeister (начальник пожарной части);

BMA – Brandmeisteranwärter (кандидат на должность начальника пожарной части);

FM- Feuerwehrmann (пожарный) [2].

Также широко буквенные аббревиатуры используются для обозначения пожарно-спасательной техники и средств пожаротушения:

CSA – Chemikalienschutzanzug (костюм химической защиты);

DL – Drehleiter (автолестница);

DLK – Drehleiter mit Rettungskorb (автолестница с люлькой);

GW – Gerätewagen (автомобиль технической помощи);

TGM - Teleskopgelenkmast (пожарный коленчатый автоподъемник (АПК);

TLF – Tanklöschfahrzeug (автоцистерна (АЦ));

TM - Teleskopmast (пожарный телескопический автоподъемник с лестницей (ТПЛ) [2; 3].

Отдельно нужно отметить широкое использование буквенных аббревиатур во всех трех языках при обозначении учреждений и организаций пожарно-спасательного профиля:

МЧС – Министерство по чрезвычайным ситуациям;

УГЗ – Университет гражданской защиты;

FEMA - Federal Emergency Management Agency (Федеральное агентство по ликвидации чрезвычайных ситуаций (США);

FDNY - Fire Department City of New York (управление пожарной охраны г.Нью-Йорка);

BBK - Bundesamt für Bevölkerungsschutz und Katastrophenhilfe (Федеральная служба защиты населения и оказания помощи при катастрофах (ФРГ);

DJF - Deutsche Jugendfeuerwehr (немецкая организация юных пожарных) [2, 5].

Кроме буквенной аббревиации в дискурсе чрезвычайных ситуаций встречаются другие виды аббревиаций. Так, в МЧС Республики Беларусь в сокращенные названия департаментов образуются по правилам **слоγο-словной аббревиации**, при которой происходит объединение целого слова и сокращенного элемента слова [1]. Так, Департамент по ядерной и радиационной безопасности МЧС Республики Беларусь сокращенно называется «Госатомнадзор», Департамент по надзору за безопасным ведением работ в промышленности МЧС Республики Беларусь сокращенно называется «Госпромнадзор», Департамент по материальным резервам МЧС Республики Беларусь сокращенно называется «Госрезерв».

Смешанная аббревиация образуется путем объединения сокращенных элементов разных типов, например, слогов, частей слога, слов и начальных букв [1]. Такой вид аббревиации часто встречается в немецкоязычном дискурсе чрезвычайных ситуаций. Ниже приведены характерные примеры данного вида аббревиации:

KatS - Katastrophenschutz (предупреждение и ликвидация чрезвычайных ситуаций)

Dekon-F - Dekontaminationfahrzeug (автомобиль, предназначенный для обеззараживания);

ex-Bereich - Bereich der Einsatzstelle, der explosionsgefährdet ist (взрывоопасная часть зоны чрезвычайной ситуации);

E-Stelle – Einsatzstelle (зона чрезвычайной ситуации);

GemBM – Gemeindebrandmeister (начальник пожарной части общины);

HD-Schlauch – Hochdruckschlauch (рукав высокого давления);

NBrandSchG - Niedersächsisches Brandschutzgesetz (закон о пожарной безопасности Нижней Саксонии) [2].

В англоязычном дискурсе чрезвычайных ситуаций примером смешанной аббревиации является слово «Emercom» - международно признанное сокращение названия МЧС России. Emercom образовано от «**Emergency Control Ministry**» (одно из возможных англоязычных названий МЧС России).

В немецкоязычном дискурсе чрезвычайных ситуаций часто встречается **особый вид смешанной аббревиации**, при котором аббревиатура образуется путем слияния **двух согласных** одного сокращаемого слова и начальной буквы другого слова или двух согласных обоих сокращаемых слов. Ниже приведены примеры данных вида аббревиации:

BtFw – Betriebsfeuerwehr (объектовая пожарная часть);

ESt – Einsatzstelle (зона чрезвычайной ситуации);

FwH – Feuerwehrhaus (пожарная часть);

TrM – Truppmann (пожарный) [2].

Иногда для сокращения односоставных слов в немецкоязычном дискурсе чрезвычайных ситуаций используются аббревиатуры, состоящие только из двух согласных сокращаемого слова. Ниже приведены примеры данных сокращений:

St – Staffel (взвод);

Tr – Trupp (отделение) [2].

Иногда в немецкоязычном дискурсе чрезвычайных ситуаций встречается *еще один вид смешанной аббревиации*, при котором аббревиатура образуется с использованием первой согласной и первой гласной буквы. При этом в зависимости от длины термина могут добавляться другие элементы аббревиации, например, начальные буквы второго или третьего слова. Ниже приведены примеры такого типа сокращений:

FuG – Funkgerät (радиостанция);

Ma – Maschinist (водитель пожарного автомобиля);

Me – Melder (пожарный извещатель) [2].

Сокращения, принятые в немецкоязычном дискурсе чрезвычайных ситуаций в Германии, используются, как правило, по всей территории ФРГ. Но, в других немецкоязычных странах, применяются далеко не все аббревиатуры из ФРГ. Так, например, в Австрии используется примерно половина сокращений, употребляемых в коммуникации спасателей-пожарных Германии. В частности, в Австрии применяется аббревиатура ВМ – Brandmeister (начальник пожарной части), но аббревиатура ВМА – Brandmeisteranwärter (кандидат на должность начальника пожарной части) уже не применяется [2].

Подводя итоги работы, следует отметить, что сравнительный анализ применения сокращений в дискурсе чрезвычайных ситуаций в русском, английском и немецком языках дает основания сделать определённые выводы. Наиболее употребительным видом сокращений в трех языках является буквенная аббревиация. Буквенные аббревиатуры употребляются во всех трех языках, но в немецком языке применяются чаще, чем в русском или английском. Кроме того, в немецком языке широко используются различные виды смешанной аббревиации.

Таким образом, аббревиация как типичный элемент профессиональных кодов в дискурсе чрезвычайных ситуаций является в большей степени характерной чертой немецкого языка, чем русского или английского.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Аббревиация // StudFiles. Файловый архив студентов. [Электронный ресурс]. – 2024. – Режим доступа: <https://studfile.net/preview/6857609/page:3/> – Дата доступа: 24.01.2024.

2. Техносферная безопасность. Перечень принятых сокращений // StudFiles. Файловый архив студентов. [Электронный ресурс]. – 2024. – Режим доступа: <https://studfile.net/preview/16567566/page:2/> – Дата доступа: 24.01.2024.

3. Feuerwehrfahrzeug // Wikipedia. Die freie Enzyklopädie. [Electronic resource]. – 2024. – Mode of access: <https://de.wikipedia.org/wiki/Feuerwehrfahrzeug#Tank1%C3%B6schfahrzeuge> – Date of access: 25.01.2024.

4. Liste der Abkürzungen bei der Feuerwehr // Wikipedia. Die freie Enzyklopädie. [Electronic resource]. – 2024. – Mode of access: https://de.wikipedia.org/wiki/Liste_der_Abk%C3%BCrzungen_bei_der_Feuerwehr – Date of access: 25.01.2024.

5. Top 50 fire service acronyms // FireRescue1. [Electronic resource]. – 2024. – Mode of access: <https://www.firerescue1.com/how-to-become-a->

Федотова Е. В.

Университет гражданской защиты МЧС Беларуси (Минск)

ЛЕКСИЧЕСКИЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ ДИСКУРСА ЧРЕЗВЫЧАЙНЫХ СИТУАЦИЙ

Изучение терминологических единиц и дискурсивных формул, составляющих лексическую базу англоязычного дискурса чрезвычайных ситуаций, ведётся на основании письменных и устных текстов, составляющих основу профессиональной коммуникации. В условиях взаимодействия подразделений МЧС между собой и зарубежными партнёрами данный дискурс представляет огромный интерес, однако, к сожалению, до недавнего времени не получал достойного освещения в работах исследователей.

Исследователями разных типов дискурсов (правоохранительного, педагогического, медицинского) выявлен межотраслевой характер терминологической системы, обуславливающий присутствие в ней большого числа транстерминов; определены причины интеграции изучаемой терминологии с другими термино-системами и установлены основные подязыки-доноры транстерминов.

Анализ дискурсивных формул позволяет говорить об их синтаксической неоднородности, стилистической нейтральности, однозначности и семантической прозрачности. Для терминологического пласта специального дискурса также характерна информационная компрессия, достигаемая с помощью аббревиации и цифрового кодирования. Результаты исследования могут быть использованы при подготовке учебных пособий по английскому языку для будущих сотрудников органов и подразделений МЧС и создания переводных словарей, что особенно актуально в настоящее время, когда всё более расширяются рамки международного сотрудничества в сфере ликвидации чрезвычайных ситуаций в мировом масштабе.

В перспективе исследования будут находиться следующие проблемы:

- выявление высокопродуктивных способов образования терминов англоязычного дискурса ЧС;
- пути образования терминологических неологизмов;
- соотношение нормативных терминов и профессионализмов в речи спасателей;
- каталогизация аббревиатур;
- выявление оптимальной структуры учебных терминологических словарей и глоссариев для обучения практике иноязычной коммуникации курсантов.

Как указывает Е. В. Ерофеева, институциональный дискурс выступает специализированной клишированной разновидностью общения между людьми, которые могут не знать друг друга, но должны общаться в соответствии с нормами данного социума [1, с. 28]. В большинстве современных лингвистических исследований понятие «дискурс» определяется через понятие «текст». По мнению Н. Д. Арутюновой, «дискурс – это речь, «погруженная в жизнь» [2, с. 136-137]. В понимании А. А. Кибрика, дискурс – «единство двух сущностей – процесса языковой коммуникации и получающегося в ее результате объекта, т. е. текста» [3, с. 1]. В свою очередь Е. В. Темнова трактует данную категорию как «завершенный или продолжающийся «продукт» коммуникативного действия, его письменный или устный результат, который интерпретируется реципиентами» [4, с. 25].

Сейчас хотелось бы остановиться на англоязычном дискурсе сферы гражданской защиты. Основной функцией данного дискурса является коммуникативное взаимодействие представителей различных спасательных формирований, а также аварийно-спасательных служб по обеспечению выполнения комплекса мероприятий гражданской защиты по предупреждению и уменьшению масштабов чрезвычайных ситуаций в случаях их возникновения, а также ликвидации чрезвычайных ситуаций и их последствий. Структурно-семантический анализ особенностей терминологии дискурса чрезвычайных ситуаций (далее ЧС) даёт возможность привлечь внимание лингвистов и преподавателей к проблематике достаточно новой отрасли научного знания – лингвистике чрезвычайных ситуаций «emergency linguistics». Лингвистика ЧС существенно повышает эффективность коммуникации в сфере оказания помощи в ЧС; помогает будущим специалистам в сфере ЧС хорошо читать, понимать, использовать в устной речи терминологию своей профессиональной отрасли; активизирует научные лингвистические исследования для составления терминологических словарей, учебных тематических глоссариев, словарей аббревиатур сферы ЧС. Специфика данного типа дискурса в его огромном многообразии, обусловленном тесным контактом с целым рядом смежных отраслей (медицина катастроф, безопасность жизнедеятельности, радиообмен, техносферная безопасность, пожарная безопасность, военное управление, физика, химия и и. д.).

С одной стороны цель данного дискурса определяется условиями работы служб спасения во время чрезвычайной ситуации, с другой – необходимостью предупреждения и урегулирования последствий чрезвычайных ситуаций, а также оказания первой помощи пострадавшим. Участников данного дискурса можно распределить на две категории: «внутренние»: спасатели ‘rescuers’; пожарные ‘firefighters’; диспетчеры ‘dispatch operators’ и «внешние»: пострадавшие ‘victims’; их родственники ‘relatives of victims’; очевидцы произошедшего ‘witnesses’. Как известно, главным приоритетами спасательных служб являются следующие действия: спасение людей, оказание первой помощи пострадавшим, обеспечение безопасности при проведении аварийно-спасательных работ, защита природной среды.

Англоязычный дискурс сферы гражданской защиты, как и дискурс любой другой сферы общения, обладает национально-культурными особенностями, которые сопряжены со спецификой законодательства страны, особенностями развития и становления данной сферы взаимодействия и общения.

При обучении курсантов Университета гражданской защиты лексическому аспекту профессионально-ориентированного дискурса необходимо наряду с освоением терминологической составляющей обеспечить получение системно-ориентированных знаний, а также развить умения преодолевать трудности при работе с лексикой изучаемого дискурса. Таким образом, одной из важнейших составляющих обучения профессионально-ориентированному языку спасателей являются термины, хорошее владение терминологией можно считать неотъемлемым условием эффективной деятельности спасателя. Четкое определение термина необходимо преподавателю для работы с профессионально-ориентированными учебными материалами. Допущенная нечеткость при определении понятия «термин» приводит к нечеткости действия при определении термина в тексте [3]. Хорошее владение терминологией можно считать неотъемлемым условием эффективной деятельности спасателя.

Такие явления, как увеличение количества ЧС природного и техногенного характера, быстрое развитие технологий предотвращения ЧС, оказания первой помощи пострадавшим послужили основным толчком для появления множества новых понятий в дискурсе ЧС, которые, в свою очередь, потребовали терминологического оформления и упорядочения. В связи с этим понятна необходимость создания различных учебных пособий. Примером этому является создание учебного пособия «Практический курс английского языка. Чрезвычайные ситуации = Practical English Emergencies», а также словарей профессиональных терминов, разговорников, которые используются для обучения профессиональному иностранному языку на практических занятиях, а также в работе специалистами МЧС Республики Беларусь при оказании первой помощи, управлении ЧС и ликвидации последствий ЧС трансграничного характера.

Профильно-ориентированное направление «английский язык для специальных целей» или «английский язык специальности» (English for Specific Purposes) окончательно сформировалось в конце 1960-х годов. Как отмечают исследователи, в нашей стране разработка данного направления стала по-настоящему популярной в начале 1990-х годов [3]. В работах А. С. Зайцевой [5] указано, что на основе семантической близости лексические единицы можно объединить в несколько лексико-семантических групп (ЛСГ).

1. Участники (люди) ЧС. В данной ЛСГ можно выделить следующие подгруппы:

а) структурные подразделения ЧС.

Например: *helicopter detachments* ‘вертолетные отряды’; *fire-fighting detachments* ‘пожарные отряды’; *emergency medical services* ‘скорая медицинская помощь’.

б) Пострадавшие.

Например: *disaster victims/affected people* ‘жертвы бедствий’; *casualties* ‘погибшие’.

в) Специалисты, задействованные в оказании помощи в ЧС. Например: *first responder/rescuer* ‘спасатель’, *emergency operator* ‘оператор службы спасения’.

2. Технические средства для проведения различных видов спасательных работ. Например: *search-and-rescue tools* ‘поисково-спасательные инструменты’.

3. Транспортные средства. Например: *aviation and automobile machinery* ‘авиационная и автомобильная техника’.

4. Организации оказания помощи в ЧС. Например: *Ministry of Emergency Situations* ‘Министерство по чрезвычайным ситуациям’; *EMERCOM of Russian Federation* ‘Министерство Российской Федерации по делам гражданской обороны, чрезвычайным ситуациям и ликвидации последствий стихийных бедствий’.¹

5. Средства обеспечения связи и оповещения. Например: *outdoor warning devices* ‘внешние приборы оповещения’; *outdoor digital signs* ‘наружные цифровые табло’; *outdoor sirens* ‘наружные сирены’.

6. Бедствия. Данная ЛСГ делится на две подгруппы:

1) ЧС природного характера. Например: *flood* ‘наводнение’; *earthquake* ‘землетрясение’; *tsunami* ‘цунами’; *tornado* ‘торнадо’;

2) ЧС техногенного характера. Например: *oil spill* ‘разлив нефти’; *traffic accident* ‘дорожно-транспортная авария’; *nuclear explosion* ‘ядерный взрыв’.

7. Управление ЧС. Например: *sheltering* ‘укрытие в убежищах’; *relocating* ‘переселение’; *search-and-rescue operations* ‘поисково-спасательные операции’; *evacuation* ‘эвакуация’.

Особенностью структурной организации терминов сферы ЧС являются многочисленные аббревиатуры (инициализмы, усечения, сложносокращенные гибридные образования). Наиболее масштабно представлены инициальные сокращения, в том числе акронимы. И изучение большого количества аббревиатурной лексики крайне необходимо всем, чей род деятельности связан со сферой ЧС, от курсантов до специалистов международного класса, таких как диспетчеров ЧС, операторов экстренной связи, спасателей, инженеров и т.д. Сегодня во всём мире аббревиация, то есть сокращённые лексические единицы, являются одной из характерных черт современного языка. Аббревиатуры помогают сократить до минимума речевые усилия, языковые средства и время, оставаясь при этом понятными и доходчивыми.

¹ Российское государственное агентство, курирующее гражданские аварийно-спасательные службы в России, агентство по обеспечению координации Российского участия в международных гуманитарных операциях

Аббревиатуры также необходимы для того, чтобы упростить длинные наименования в речи. Работники МЧС значительное количество аббревиатур. Приведём некоторые из них. *NPP safety* (*nuclear power plant safety*) ‘безопасность АЭС’; *NPP unit* ‘блок АЭС’; *BCR* (*building codes and regulations*) ‘СНИП (строительные нормы и правила)’; *C* (*combustibility*) ‘Г (горючесть)’; *C* (*combustible*) ‘Г (горючий)’; *CG* (*combustible gas*) ‘ГГ (горючий газ)’; *CL* (*combustible liquid*) ‘ГЖ (горючая жидкость)’; *CM* (*combustible mixture*) ‘ГС (горючая смесь)’; *CM* (*combustible medium*) ‘ГС (горючая среда)’; *ES* (*explosive substances*) ‘ВВ (взрывчатые вещества)’; *EM* (*explosive materials*) ‘(взрывчатые материалы)’; *FC* (*fire codes*) ‘НПБ (нормы пожарной безопасности)’; *FR* (*fire regulations*) ‘ППБ (правила пожарной безопасности)’; *G* (*guidelines*) ‘РД (руководящие документы)’; *GDC* (*guiding documents for construction*) ‘РДС (руководящие документы в строительстве)’; *HIL* (*highly inflammable liquid*) ‘ЛВЖ (легко воспламеняющаяся жидкость)’; *I* (*inflammability*) ‘В (воспламеняемость)’; *IBC* (*international building codes*) ‘МСН (международные строительные нормы)’.

Таким образом, если рассматривать лексические характеристики дискурса ЧС, то очевидным является тот факт, что в данном дискурсе существует нескончаемое количество терминов и акронимов, употребляемых только в лексике безопасности жизнедеятельности.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Ерофеева, Е. В. К вопросу о соотношении понятий текст и дискурс [Электронный ресурс] / Е. В. Ерофеева, А. Н. Кудлаева // Проблемы социо- и психолингвистики: сб. ст. / Перм. гос. ун-т, Кафедра общего и славянского языкознания, Школа социо- 123 психолингвистики ; редкол.: Т. И. Ерофеева (отв. ред.) [и др.]. – Пермь, 2003. – Вып.3. – С. 28–36. – Режим доступа: <http://psychocling.narod.ru/erkudl.htm>. – Дата доступа: 10.01.2019
2. Арутюнова, Н. Д. Дискурс / Н. Д. Арутюнова // Лингвистический энциклопедический словарь / подгот. Г. В. Якушевым [и др.] ; гл. ред. В. Н. Ярцева. – М. : Сов. энцикл, 1990. – С. 136–137.
3. Кибрик, А. А. Модус, жанр и другие параметры классификации дискурсов / А. А. Кибрик // Вопросы языкознания. – 2009. – № 2. – С. 1–19.
4. Темнова, Е. В. Современные подходы к изучению дискурса / Е. В. Темнова // Язык, сознание, коммуникация. – 2004. – Вып. 26. – С. 24–32.
5. Зайцева, А. С. Специальная лексика чрезвычайных ситуаций: структурные и функциональные тенденции в новейших терминологиях. Автореф. Дис. На соиск. Ученой степени кандидата филологических наук по специальности 10.02.19- теория языка. Москва, 2019 – 23 с.
6. Карасик, В. И. Дискурсивное проявление личности / В. И. Карасик // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия : Лингвистика. – 2016. – Т. 20. – № 4. – С. 56–77.
7. Александровская Л. В. Семантика термина как члена общелитературной лексики (на материале английской морской терминологии).

Автореферат диссертации на соискание уч. степени канд. филологических наук.
- М.: Изд. МГПИЯ им. М. Горького, 1973. - С. 3.

Шляховая А. А.

Университет гражданской защиты МЧС Беларуси (Минск)

ТЕМАТИЧЕСКИЕ (КОНЦЕПТУАЛЬНЫЕ) ПОЛЯ ДИСКУРСА ЧРЕЗВЫЧАЙНЫХ СИТУАЦИЙ

Несмотря на то, что тематические поля дискурса чрезвычайных ситуаций представлены в различных изданиях, они практически не исследованы комплексно. Это подтверждает свою актуальность, поскольку тематические поля дискурса охватывают широкий спектр вопросов, связанных с предотвращением, управлением и последствиями различных видов чрезвычайных ситуаций., пожарной безопасностью, первой помощью, пожарной техникой и оборудованием. Эти поля являются крайне важными как для академических исследований, так и для практического применения полученных знаний.

В настоящее время существуют различные подходы к определению многогранного понятия «дискурс». По мнению Н. Д. Арутюновой, «дискурс – это речь, «погруженная в жизнь» [1, с. 136-137]. Е. В. Темнова трактует данную категорию как «завершенный или продолжающийся «продукт» коммуникативного действия, его письменный или устный результат, который интерпретируется реципиентами» [7, с. 25].

В большинстве современных лингвистических исследований понятие «дискурс» определяется через понятие «текст». Следуя Е. В. Ерофеевой и А. Н. Кудлаевой, данную категорию рассматриваем как целый текст или совокупность текстов, объединенных по какому-либо признаку, как речевой материал, обусловленный экстралингвистическими факторами различной природы и включающий их как компоненты [2].

В нашей работе мы считаем целесообразным рассматривать дискурс ЧС как институциональный дискурс, отраженный профессиональной коммуникацией (устной и письменной), который осуществляется между всеми участниками чрезвычайной ситуации. Считаем важным подчеркнуть, что рассматриваемый тип дискурса является невероятно сложным, многомерным образованием и определяется целью, участниками и социокультурными обстоятельствами общения. Данный тип дискурса имеет своей целью эффективное речевое взаимодействие.

Цель дискурса как правило определяется не только условиями работы формирований службы спасения во время чрезвычайной ситуации, но и необходимостью предупреждения и урегулирования последствий чрезвычайных ситуаций, оказания помощи пострадавшим. На примере англоговорящих стран участников данного дискурса можно распределить на две категории:

«внутренние» – спасатели ‘rescuers’, пожарные ‘firefighters’ и «внешние» – пострадавшие ‘victims’, очевидцы произошедшего ‘witnesses’ и др.

Жанровое многообразие исследуемого дискурса выражается в следующих группах письменных речевых жанров: для подготовки обучающихся к их дальнейшей деятельности в различных сферах жизни используются тексты официально-делового общения, тексты в периодике страноведческого и культуроведческого характера, а также для сообщения научной информации и доказательства ее достоверности используются тексты научного стиля. Для устных жанров используются монологи и диалоги сотрудников сферы гражданской защиты, диалоги между специалистами и пострадавшими на месте чрезвычайной ситуации и др.).

Согласно тематическому принципу, предполагающему выделение тематических разделов, а также последовательность изучения этих разделов на примере учебного пособия [5] «Практический курс английского языка. Чрезвычайные ситуации=Practical English.Emergencies» можно выделить 13 основных тематических разделов одинаковой трудности, охватывающих основные направления предупреждения и ликвидации чрезвычайных ситуаций, а также вопросы промышленной и пожарной безопасности, первой помощи.

Помимо тематического принципа характерной чертой в учебном пособии является интерпретация дидактического принципа «от простого к сложному», он помогает посмотреть на расположение тем с позиции обучающегося. Так, после темы «I’m a cadet» следует более сложная по объёму и средствами ее выражения тема «University of civil protection of the Ministry of Emergency Situations of the Republic of Belarus»

В качестве коммуникативной формулы представлены вербальные и невербальные знаки, которые позволяют определить тип данного дискурса. В качестве примеров коммуникативных формул можно привести следующие: *Yes, sir* ‘Так точно’, *Copy that* ‘Вас понял’. Следует отметить, что данные коммуникативные формулы присущи и другим типам дискурса, например, военному. Англоязычный дискурс сферы гражданской защиты, как и дискурс любой другой сферы общения, обладает национально-культурными особенностями, которые сопряжены со спецификой законодательства страны, особенностями развития и становления данной сферы взаимодействия и общения.

Для осуществления общения в профессиональной сфере будущий специалист службы гражданской защиты должен не только владеть терминологией соответствующей профессиональной области взаимодействующих культур, но и знать специфику взаимодействия представителей той или иной профессии. В этой связи существуют следующие виды знаний: «фреймы ситуаций профессионального взаимодействия (декларативное знание), их сценарии (процедурное знание), социокультурная и

ситуативная специфика поведения в них англоязычного представителя делового социума». Это поле дискурса включает в себя обсуждение вопросов безопасности, мер по предотвращению чрезвычайных ситуаций, реагирование на них.

Следует отметить, что терминологическая лексика чрезвычайных ситуаций не так часто подвергалась структурному и смысловому анализу. Отсутствуют публикации, повешённые концептуализации дискурса ЧС. В одной из недавних работ автора А. С. Зайцевой осуществлена попытка смоделировать терминосистему чрезвычайных ситуаций и представить ее в виде многоуровневой структуры с горизонтальной и вертикальной организацией.

В целях настоящего исследования интерес представляет горизонтальная организация, которая включает абстрактные отношения и материальный мир в категориях событий, фактов, количеств, конкретной деятельности, участников, факторов, средств труда, структур. такой подход позволяет классифицировать термины на основе логико-понятийных характеристик. На материале русского языка автор предлагает несколько лексико-семантических групп (ЛСГ), образующих предметно-понятийную сферу чрезвычайных ситуаций. Например:

1. ЛСГ «событие, факт, конкретная ситуация»
2. ЛСГ «модус бытия» (опасность, безопасность).
3. ЛСГ «пространство» (зона, очаг, среда, территория).
4. ЛСГ «конкретная деятельность» (ликвидация, защита, локализация).
5. ЛСГ «участники» (люди).
6. ЛСГ «средства труда» (прибор, аппарат, машины).
7. ЛСГ «структуры» (службы).
8. ЛСГ «правовое поле».

Термины, составляющие каждую группу, образованы по различным моделям. Морфологическое словообразование предполагает создание новых слов путем изменения формы уже существующих при помощи различных формальных средств, по определенным словообразовательным моделям. Наиболее продуктивными суффиксами образования терминов являются в английском языке: *-tion*, *-age*, *-ence*, *-ure*; в немецком языке *-schaft*, *-heit*, *-keit*. Приставки *re-*, *over-*, *super-* (в английском языке), *be-* (в немецком языке).

Многочисленные термины создаются синтаксическим путем, то есть линейной связью двух или более слов. Термины-словосочетания – это наиболее обширная часть терминологической системы в области безопасности жизнедеятельности и аварийно-спасательных работ. Анализ подтверждает, что этот способ является одним из и обладает высокой степенью продуктивности. Термины-словосочетания передают связанные по смыслу понятия, они, в отличие от свободных словосочетаний, плотнее связаны и устойчивы. Это проявляется в ограниченных возможностях замены одного из компонентов словосочетания. Каждому языку свойственна своя модель образования

терминов. Например, атрибутивная модель N + N, типична для английского языка, тогда как в немецком языке превалирует словосложение с соединительной согласной или без нее.

Таким образом, с точки зрения тематического поля, очевидно, что выполнение ролей макрокомпонентов должно быть тесно связано и соприкасаться со структурой самого поля.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Арутюнова, Н. Д. Дискурс / Н. Д. Арутюнова // Лингвистический энциклопедический словарь / подгот. Г. В. Якушевым [и др.] ; гл. ред. В. Н. Ярцева. – М. : Сов. энцикл, 1990. – С. 136–137.

2. Ерофеева, Е. В. К вопросу о соотношении понятий текст и дискурс [Электронный ресурс] / Е. В. Ерофеева, А. Н. Кудлаева // Проблемы социо- и психолингвистики : сб. ст. / Перм. гос. ун-т, Кафедра общего и славянского языкознания, Школа социо- 123 психолингвистики ; редкол.: Т. И. Ерофеева (отв. ред.) [и др.]. – Пермь, 2003. – Вып.3. – С. 28–36. – Режим доступа: <http://psychosocling.narod.ru/erkudl.htm>. – Дата доступа: 10.01.2019.

3. Зайцева А.С. Специальная лексика чрезвычайных ситуаций: структурные и функциональные тенденции в новейших терминологиях. / Алла Сергеевна Зайцева. Автреф. канд дис. на соискание ученой степени канд. филол. наук. Специальность 10.12.19 – теория языка.

4. Карасик, В. И. Речевая коммуникация : дискурсивный аспект / В. И. Карасик // Грани познания. – 2013. – № 1 (21). – С. 23–33.

5. Практический курс английского языка. Чрезвычайные ситуации. Practical English. Emergencies: учебник / Н.А. Каньшина [и др.] – Минск: РИВШ, 2019. – 216 с.

6. Самородин, Г.В. Вербализация Чрезвычайных ситуаций в СМИ Германии. Диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук. Специальность 10.02.04. Москва 2022. – 207 л.

7. Темнова, Е. В. Современные подходы к изучению дискурса / Е. В. Темнова // Язык, сознание, коммуникация. – 2004. – Вып. 26. – С. 24–32. 3. Кибрик, А. А. Модус, жанр и другие параметры классификации дискурсов / А. А. Кибрик // Вопросы языкознания. – 2009. – № 2. – С. 1–19.